

Дмитрий Мурашов

М ИХАИЛ ЗАГОСКИН

Дмитрий Мурашов

МИХАИЛ ЗАГОСКИН:

знакомый незнакомец

Пенза 2019

ББК 83.3(Рос=Рус)1

М 91

Рецензенты:

Первушкин В. И., доктор исторических наук, профессор
Пензенского государственного университета, председатель
Региональной общественной организации краеведов Пензенской
области, член Всероссийского Совета Союза краеведов России;
Расказова Л. В., кандидат культурологии,
заслуженный работник культуры Пензенской области;
Белохвостиков Е. П., краевед, главный редактор журнала
«Пензенские епархиальные ведомости», председатель издательского
отдела Пензенской епархии.

Мурашов, Дмитрий. Михаил Загоскин: знакомый незнакомец // Дмитрий Мурашов. – Пенза, 2019. – 108 с. : ил.

На обложке – репродукция картины В.А. Тропинина «Портрет М.Н. Загоскина».

Михаил Николаевич Загоскин (1789-1852) – русский писатель, драматург. Автор первого исторического романа на русском языке «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». В книге представлена биография Загоскина, рассказывается о его творчестве и сохранении имени писателя в национальной памяти российского общества.

Для широкого круга читателей.

© Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, 2019

© Д. Ю. Мурашов, 2019

Оглавление

<i>От автора</i>	5
Преджизненная бездна.....	8
Дебют.....	21
Драматург.....	37
Исторический романист.....	55
Консерватор.....	69
В кругу семьи.....	82
Память.....	97

От автора

Русская литература Золотого века была немногочисленна. Ее вершины – Александр Пушкин, Василий Жуковский, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь. «Литература наша ограничена» «малым числом действий и действующих лиц», – писал в 1830 году князь Петр Вяземский. Он же делил ее на две партии: «литераторов с талантом» и «литераторов бесталаных»¹. Михаила Загоскина стоит отнести к «литераторам с талантом». Писатель Сергей Аксаков заметил: «Талант Загоскина – самобытный, оригинальный»². Он же – современник Пушкина и Гоголя – считал Михаила Николаевича Загоскина «более других» «народным писателем», потому что «его читали и читают все, знающие грамоте, торговые крестьяне; они рассказывают читанное ими, а иногда читают вслух многим другим безграмотным крестьянам». «Огромное число табакерок и набивных платков, с изображением разных сцен из «Юрия Милославского», развозимых по всем углам необъятной России, поддерживают известность имени его сочинителя»³.

Хорошо известный при жизни Михаил Загоскин был практически забыт после смерти. Имя Загоскина незаметно ушло на второй план Золотого века литературы, оттесненное в исторической памяти общества классиками, которые, между прочим, его знали и читали. Повесть Пушкина «Рославлев» была бы невозможна без одноименного романа Загоскина. «Рославлев» Пушкина не только

отталкивается от «Рославлева» Загоскина, но и спорит с ним: «Пушкин, ведущий свое повествование от лица подруги Полины, неизвестной «дамы», мотивирует написание рассказа на тему, уже использованную Загоскиным, следующим образом: «Читая «Рославлева», с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героини его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, усыпленные временем и возмущил спокойствие могилы. Я буду защитницею тени...»⁴. По словам А. И. Грушкина, «Рославлев» Александра Пушкина «значительнейшая декларация пушкинского патриотизма»⁵. А была бы она написана, если бы не Загоскин?

Однако это дела давно минувших дней. А чем сейчас интересно наследие Загоскина? Он сам – как личность? Сколько не менее достойных имен кануло в Лету. Сложный вопрос для тех, кто ценность художественной литературы измеряет ее современностью. Чем ближе к нам – тем актуальнее. На это все тот же князь Вяземский в 1866 году заметил: «Наш век изобрел железные дороги и паровозы. Прекрасно! но из этого следует ли, что каждый человек, который спокойно садится в вагон и перелетает в несколько часов обширное пространство, умнее того, который то же пространство переезжал в старину на долгих и в неуклюжей бричке, издерживая на этот переезд несколько суток»⁶.

Ценность хорошей художественной литературы состоит в ее вневременном характере. Она всегда интерес-

на, независимо от того, когда написана: в двадцать первом, двадцатом девятнадцатом веках или раньше. Писатель и созданный им текст – наши собеседники. И эта беседа никогда не проходит даром. Она обучает и воспитывает человека.

Загоскин – хороший писатель. Чтение его книг расширяет внутренний мир, делает его богатым. Оно позволяет почувствовать неторопливое течение времени, когда жил писатель. Совершить путешествие в эпоху иную, чем наша современность, но обсуждавшую вечные вопросы человеческих отношений, что и мы. Только в других исторических декорациях. «Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает», – говорил Василий Ключевский⁷.

На памятнике Михаилу Загоскину в Рамзае (в Пензе, губернском центре края, где писатель родился, памятника до сих пор нет) были выбиты слова: «Человек, который не любит свое отечество, жалок, а тот, кто осмеливается поносить его, заслуживает общее презрение». Эти слова Загоскина звучат современно в любые времена...

Так давайте не только почитать Загоскина, но и читать!

¹ Вяземский П. А. Сочинения. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 134-135.

² Аксаков С. Т. Биография Михаил Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М. : Правда, 1988. С. 394.

³ Там же. С. 373.

⁴ Грушкин А. И. «Рославлев» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 324.

⁵ Там же. С. 337.

⁶ Вяземский П. А. Сочинения. С. 227-228.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения. М. : Мысль. 1990. Т. IX. С. 406.

Преджизненная бездна

Михаил Николаевич Загоскин родился 14 (25) июля 1789 года, в день апостола Акилы (по церковному календарю), в доме которого в Древнем Риме в период гонений жила христианская община. Акила – один из апостолов от семидесяти, проповедовавших веру после вознесения Христа. Ценности христианства отстаивал в жизни и писатель Михаил Загоскин. «Я могу быть писателем бездарным, невеждою <...> но чтоб в романах и повестях моих не проявлялись идеи религиозные, нет! <...> Я не сомневаюсь, убежден, верую, что мой первый роман («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» – Д. М.) обязан своим успехом именно религиозному чувству, которым он согрет. <...> земная жизнь есть не цель, а только средство к достижению цели <...> без христианской религии нет истинного просвещения», – писал Загоскин своему другу Петру Корсакову¹.

По григорианскому, а не юлианскому календарю, действовавшему тогда в России, 14 июля – день начала Французской революции. Сегодня мы называем ее Великой. К ней у Загоскина симпатий никогда не было: «неистовых трибунов черни» он называл «дикими зверями в человеческом образе»².

Юлианский календарь отставал в конце XVIII века от григорианского на одиннадцать дней, и начало французской революции приходилось на 3 июля – «преджизненную бездну» Михаила Загоскина, если говорить словами

Владимира Набокова³. Писатель любил в нее вглядываться. Внутри Загоскина она жила рассказами родных, близких ему людей. И эти рассказы находили свое воплощение на страницах его книг, прежде всего – «Москва и москвичи», «Вечер на Хопре». В них нет точности факта, но в них, несомненно, есть контуры биографий отца, деда, бабушки. Людей, милых сердцу писателя. Он обессмертил их в своих произведениях.

...«Москва и москвичи» (1842–1850) – знаменитый цикл рассказов Михаила Загоскина от лица москвича Богдана Ильича Бельского. Загоскин, согласно авторской легенде, всего лишь их издатель, иронично выведенный в предисловии: «Мало ли, сударь, в Москве сочинителей. Да вот хоть, недалеко идти: г-н Загоскин... Не то чтоб он был какой-нибудь знаменитый писатель – нет! есть, батюшка, гораздо почище его, да ему посчастливилось: выдал «Юрия Милославского», попал в народность, да и пошел пописывать разные романчики...»⁴.

Но почему Бельский? Не Голицын, Хованский, Гагарин – еще кто-то? Почему Богдан Ильич Бельский? Тем более что фамилия – согласно все той же авторской легенде – не настоящее имя автора записок, а его псевдоним.

Вот Бельский пишет в письме Загоскину (вновь мистификация, литературный прием): «Я вас давно уже знаю, мне случалось иногда встречаться в разных обществах, вероятно, и вы также меня знаете, но только под настоящим моим именем. Хотя принятое мною в этих записках прозвание Бельского могло бы, по всей справедливости, принадлежать мне как единственному и прямому наследнику этого знаменитого исторического имени, но я решился

остаться при моем, весьма обыкновенном, которое ни разу не упоминается в русских летописях...»⁵.

Чтобы ответить на вопрос, следует заглянуть в «преджизненную бездну» писателя.

Сергей Михайлович Загоскин (1833–1897), сын Михаила Николаевича Загоскина, автор воспоминаний – основного источника сведений о биографии писателя: «В начале род Загоскиных был весьма малочислен, так что в царствование царя Алексея Михайловича, представителем его остался один Дмитрий Фёдорович, стольник и воевода на Нерехте (ныне город в Костромской области. – Д. М.). Впоследствии у него был сын Алексей, служивший тоже стольником и убитый под Смоленском. Единственный сын Алексея, мой прадед, Лаврентий Алексеевич, находился в военной службе, но где именно – мне неизвестно; по-видимому, он был в числе лиц, приближенных к царице Марфе Матвеевне, так как она выдала за него свою крестницу, дочь шведского генерала Эссен, взятую в плен под Полтавою и подаренную Петром I. Сам государь был посаженным отцом новобрачной и благословил ее образом, хранящимся и поныне в потомстве старшего из двух сыновей Лаврентия Алексеевича – Николая, оставившего от брака с девицею Масловою многочисленное потомство, проживающее донныне, большею частью, в г. Пензе и в родовых своих имениях этой губернии. Другой сын Лаврентия Алексеевича, Михаил, был женат на богатой девице из древнего рода Бельских, и имел единственного сына Николая, моего деда, родившегося 24-го октября 1761 года. О жизни и службе моего прадеда (то есть деда писателя. – Д. М.) я не имею никаких сведений; мне только извест-

но, что он умер в молодых годах, вскоре после рождения своего единственного сына. Вслед за прадедом скончалась и его вдова, оставив своему малолетнему сыну большие и значительные имения в Пензенской губернии»⁶.

Итак, бабушка писателя, жена деда Михаила Лаврентьевича Загоскина – урожденная Бельская. К сожалению, родословная роспись Загоскиных не называет ее имени⁷, но среди землевладельцев Пензенского края есть братья Алексей и Иван Андреевичи Бельские. В начале XVIII века – помещики деревни Бельщина, ныне Пачелмского района Пензенской области⁸. В родословной росписи Бельских (Рюриковичи) братья не указаны, но Алексей и Иван Андреевичи, скорее всего, сыновья стольника Андрея Фёдоровича Бельского, который скончался в 1692 году. Он в росписи назван⁹. Последней представительницей Бельских указана княжна Евдокия Андреевна, которая была замужем за герольдмейстером Петра I Степаном Колычевым¹⁰.

Родословные росписи составлялись на основе известных данных. Некоторые из них могли не попасть в руки составителя и оставить пробел в родословной. Одинаковые отчества братьев Бельских и Евдокии Колычевой позволяют утверждать, что у них у всех один отец – Андрей Федорович Бельский. И Евдокия – не последняя представительница Бельских. За Иваном Бельским в 1761 году записан ряд пензенских деревень¹¹. Значит, в это время они были еще живы (Евдокия умерла в 1750 году). Но (и это самое главное) в 1785 году Бельщина – владение Николая Михайловича Загоскина – отца писателя¹². Учитель Рамзайской школы Валентина Филатова обнаружила надгроб-

ную плиту Михаила Лаврентьевича Загоскина¹³. На ней указана дата его смерти – 1764 год. Следовательно, супруга, урожденная Бельская, умерла вскоре, как пишет Сергей Загоскин. Имущество родителей досталось сыну, в том числе и Бельщина, собственность бабки писателя, бывшей, вероятно, дочерью одного из братьев. Если это так, то Михаил Николаевич Загоскин – последний представитель рода Бельских (да, отсчет родства велся по мужской линии, но и женскую ветвь необходимо учесть) и в двадцать девятом колене Рюрикович.

Михаил Николаевич Загоскин, «Москва и москвичи»: «Хотя принятое мною в этих записках прозвание Бельского могло бы, по всей справедливости, принадлежать мне как единственному и прямому наследнику этого знаменитого исторического имени, но я решился остаться при моем, весьма обыкновенном, которое ни разу не упоминается в русских летописях»¹⁴.

Повесть «Вечер на Хопре» (1843) написана М. Н. Загоскиным в «готическом» стиле. В ней очень много мистики и ужаса, от которых стынет кровь в жилах. Действие начинается в Сердобском уезде, в двадцати верстах от Сердобска (ныне районный центр Пензенской области), в одном из имений которого гости рассказывают занимательные истории. Журналисты и краеведы давно пытались выяснить: где именно происходит действие, но до сих пор безуспешно¹⁵. Сделать это, как представляется, невозможно, потому что усадьба Ивана Алексеевича Асанова рождена писательским талантом Загоскина. Но вот ответить на вопрос, почему действие происходит в дворянской усадьбе на Хопре и именно в Сердобском уезде, где Загоскин-пи-

сатель никогда не был (документов, подтверждающих посещение писателем Сердобска, не выявлено), стоит.

Сергей Михайлович Загоскин: «Осиротевший ребенок (отец Михаила Николаевича. – Д. М.) был взят на воспитание своим родственником Засецким, проживавшим в своих поместьях Пензенской губернии, и у которого он оставался до 16-летнего возраста. Воспитание деда шло более чем плохо: отсутствие всякого надзора, безотчетная свобода действий, шалости и игры в обществе многочисленной дворни имели пагубное влияние на его нравственное развитие, так что, поступив в 16 лет на службу в лейб-гвардии Измайловский полк, он немедленно предался полнейшему разгулу в кругу молодых петербургских кутил того времени»¹⁶.

Где воспитывался Николай Загоскин, отец писателя? Засецкие владели поместьями не только в Пензенской, но и в Саратовской губернии. Их вотчина – село Архангельское, ныне Ключи Ртищевского района Саратовской области¹⁷. Оно находилось на берегу Хопра и принадлежало братьям Засецким: прапорщику Якову Григорьевичу Большому и майору Якову Григорьевичу Меньшому. Тот и другой умерли до 1762 года.

После смерти братьев владельцами Ключей стали их жены: прапорщица Анна Фёдоровна Засецкая и майорша Александра Лаврентьевна Засецкая. У Александры Лаврентьевны было два сына – Сергей и Василий.

Сергей Михайлович Загоскин мог не знать деталей биографии своего деда, но Александра Лаврентьевна, скорее всего, и была тем «родственником», у которого до шестнадцати лет воспитывался Николай Загоскин. Родос-

ловная Загоскиных упоминает только одну сестру Михаила Лаврентьевича – Дарью¹⁸, но, как и в случае с Бельскими, это мог быть «промах» составителя из-за отсутствия сведений. Александра Лаврентьевна – родная сестра Михаила Лаврентьевича Загоскина, к которой и попал после смерти родителей отец писателя. В пользу этого говорит и то, что Николай Михайлович поступил служить в лейб-гвардии Измайловский полк, в котором служил и сын Анны Лаврентьевны, и, соответственно, его двоюродный брат Василий Яковлевич Засецкий.

Племянника и собственного сына Засецкая определила в один полк. Василий Засецкий служил в полку в начале 80-х годов XVIII века, и в это же время каптенармусом лейб-гвардии Измайловского полка был Николай Загоскин¹⁹.

Михаил Загоскин «Вечер на Хопре»: «Дядюшка моего приятеля Заруцкого, Иван Алексеевич Асанов – дай бог ему царство небесное, – был старик предобрый. Никогда не забуду я нескольких дней, проведенных мною под конец осени, помнится в 1806 году, в его саратовской деревушке на Хопре. Как сейчас, гляжу на десятка два крестьянских изб, разбросанных по высокому берегу реки, на его огромные кирпичные палаты, построенные, на диво всему Сердобскому уезду, в два этажа, со сводами и с такими толстыми стенами, что от них, как мячик, отскочило бы сорокафунтовое ядро»²⁰.

Так начинается самая известная «готическая» повесть Загоскина, и здесь начинаются и самые долгие поиски мест, которые он описал со стороны краеведов и журналистов. Это бессмысленно. Усадьба Асанова – плод вообра-

жения Михаила Загоскина, прототипом ее, с некоторыми оговорками, могла быть усадьба Надеждино князя Александра Борисовича Куракина, которая, в конце XVIII–начале XIX веков действительно была известна во всем Сердобском уезде. Настоящее Надеждино и усадьба Асанова все-таки отличаются. Важно другое. Сам писатель, служа сенатским регистратором в Санкт-Петербурге, никак не мог приехать в Сердобский уезд осенью 1806 года²¹.

Повествование ведется от иного лица. В главном герое повести скрыты черты Николая Михайловича Загоскина, отца романиста: «крайне своеобразного и самовольного» человека, обладавшего «здравым умом и сильной волей»²².

Почему? Во-первых, прототипом Заруцкого, вероятно, является двоюродный брат отца писателя Василий Засецкий – «старинный приятель и сослуживец»²³. Своему дяде, Ивану Асанову, Заруцкий представляет друга так: «Мы с ним давно уж не видались, хотя были некогда неразлучными товарищами и в Москве в пансионе, и в Петербурге в казармах, и в танцевальном классе Меранвиля, и в походном балагане под неприятелем – словом, везде»²⁴. Вспомним: Николай Загоскин и Василий Засецкий вместе росли, а затем и вместе служили в Измайловском полку. Во-вторых, село Архангельское (Ключи) стоит на берегу Хопра. Михаил Загоскин, обладавший большой восприимчивостью и отличной памятью, мог твердо запомнить рассказы отца о местах его детства, чтобы затем ввести их в свою повесть. Вывел же он впоследствии своего слугу Прохора в романе «Кузьма Петрович Мирошев» (роман написан через восемь лет после «Вечера на Хопре») ²⁵. Да и деревня «приятеля Заруцкого», куда после испугавшего

всех до смерти «ночного поезда» отправляется повествователь, имеет прообраз – деревню Битяговку Сердобского уезда Саратовской губернии, которая принадлежала в начале XIX века Засецкому, ныне – село в Ртищевском районе Саратовской области²⁶. Кстати, Хопер, как река детства Николая Загоскина, отца писателя, еще раз «всплывет» в «Мирошеве».

Михаил Загоскин «Кузьма Петрович Мирошев»: «То ли дело близкий сосед Суры, красавец Хопер, река также второстепенная; но какими она течет привольными местами, как роскошествует природа на его плодоносных берегах! Хопер течет на юг, извиваясь под тенью своих дубовых лесов, красуясь своими липовыми рощами и орошая светлыми водами своими один из счастливейших уголков нашей матушки Руси»²⁷.

В четвертом выходе «Москвы и москвичей» – в «Осенних вечерах» – Михаил Загоскин вновь возвращается к своим родным. Действие происходит в селе Рамзай Пензенской губернии, куда после Отечественной войны 1812 года приезжает главный герой. Загоскин вводит опять читателя в заблуждение, ловко скрываясь под именем Владимир. На этот раз Богдан Бельский предлагает именно его записки, потому что хочет рассказать не только о Москве, но и России. Эти записки Бельский якобы нашел в библиотеке своего покойного друга Ивана Барсукова. Композиция «Осенних вечеров» во многом напоминает «Вечер на Хопре» – в доме пензенского дворянина собираются его соседи-помещики и рассказывают разные истории, только в них нет того «ужаса», что есть в «Вечере на Хопре». Рассказы реалистичны и забавны.

В биографии Владимира соединяются страницы жизни самого писателя и его отца. От Михаила Загоскина – участие в заграничных походах русской армии 1813–1814 годов и приезд после войны в Загоскино, к родителям. В «Осенних вечерах» – к дедушке: «Мне очень хотелось показаться дедушке во всей красоте моего обер-офицерского звания: но это желание не могло исполниться прежде окончания войны. Вот, наконец, увенчанные лаврами храбрые гвардейские полки возвратились в Петербург, я взял отпуск и поскакал на перекладных в Тужиловку – так называлось село, в котором жил мой дедушка. Это было в глубокую осень, в самую ужасную слякоть и распутицу. И зимою деревенский быт не много имеет приятностей; но в дурную и дождливую осень эта единообразная жизнь превращается в какое-то тюремное заключение, которое становится под конец совершенно несносным. Прогуливаться по колено в грязи вовсе не весело, прокатиться под дождем, также большой забавы нет»²⁸. От Николая Михайловича, отца – его сиротство и служба в гвардии. В гвардейский полк отца героя устраивает дед. Он же – его «второй отец» и «вторая мать». Зовут деда из «Осенних вечеров», как прадеда писателя и деда его отца, Лаврентий Алексеевич. Михаил Николаевич Загоскин сдвигает время его жизни к середине XVIII века, к временам Екатерины II (прадед писателя жил в эпоху Петра I). Страницы жизни Лаврентия Алексеевича малоизвестны. Семейное предание, что он был женат на дочери шведского генерала Эссена, а император Петр I был посаженным отцом новобрачной, скорее всего, легенда. (Источники, сообщающие об этом, расходятся в месте пленения генерала – под Нарвой

или Полтавой.)²⁹ Поэтому под пером правнука Лаврентий Алексеевич проделывает типичный путь русского дворянина середины XVIII века: со дня рождения записанный «на службу в царскую гвардию» Лаврентий Закамский явился на службу «в лейб-гвардии конный полк не солдатом, а старым ефрейт-капралом»³⁰. После двадцати лет военной службы он выходит в отставку полковником и поселяется в имении, в «наследственной Пензенской отчине», в которой сам, будучи бездетным, воспитывает сына племянницы, Владимира, и встречается с ним после войны с Наполеоном.

В «Осенних вечерах» «преджизненная бездна» Загоскина соединяется с собственными воспоминаниями о Пензенском крае и его жителях. Владимир и Лаврентий Алексеевич – персонажи, несомненно, сконструированные талантом писателя, а вот их собеседники – уже живые люди, пензенские помещики предвоенных и послевоенных лет, выведенные под вымышленными – Онегин, Кучумов, Засекин, Бирман, Кудринский – или настоящими именами, как княжна Пелагея Задольская, помещица села Краснополье (ныне Пензенский район)³¹.

С детства обожая историю, Михаил Загоскин был внимателен к тому, что было до него в прошлом его семьи. Он обращался к истории рода не только как писатель, извлекающий материал для своих сочинений, но и как дворянин, один из Загоскиных, чье призвание и прямая обязанность продолжить рост родословного древа, корни которого находятся в прошлом. Писатель Загоскин чувствовал взаимосвязь поколений, в преджизненной бездне которых неоднократно рождался сам: от полулегендарного Шевкала

по прозвищу Загоска, что значит «кукушка»³², пришедшего когда-то на службу к Ивану III из Золотой Орды, до Николая Загоскина, собственного отца. История была для Загоскина не книгой, а жизнью.

¹ Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 737.

² Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 302.

³ Набоков В. Другие берега. Л.: Политехника, 1991. С. 25.

⁴ Загоскин М.Н. Избранное. С. 128.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Загоскин С.М. Воспоминания// Исторический вестник. 1900. № 1. С. 43.

⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Спб., 1895. Т. 1. С. 202.

⁸ Полубояров М. Весь Пензенский край. М., 2016. С. 646.

⁹ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.60. Оп. 4. Д. 15. Л. 366, 540. Указаны деревни Керенского уезда: Жуковка, Починки, Тамала.

¹² Полубояров М. Весь Пензенский край. 646.

¹³ Сведения В.Н. Филатовой. Беседа с автором 22.02.2019 года.

¹⁴ Загоскин М.Н. Избранное. С. 124.

¹⁵ Алексеев И. М.Н. Загоскин в Сердобске // Ленинский путь (Сердобск). 1984. 7 февраля. С. 4; Тетерин В. Дом кошмаров под Сердобском // Молодой ленинец. 2002. 2 июля. С. 12.

¹⁶ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 43.

¹⁷ Сведения о Засецких в «Ртищевской энциклопедии». См: <http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/Засецкие> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁸ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. С. 202.

¹⁹ ГАПО. Ф.2. Оп. 1. Д. 57. Л. 47.

²⁰ Загоскин М.Н. Избранное. С. 40.

²¹ Формулярный список М. Н. Загоскина опубликован на портале Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. См.: <https://www.prilib.ru/item/465354> (дата обращения 14.01.2019).

²² Загоскин С.М. Воспоминания. С. 44.

²³ Загоскин М.Н. Избранное. С. 44.

²⁴ Там же. С. 49.

- ²⁵ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 46.
- ²⁶ «Ртищевская энциклопедия». См: <http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/Засецкие> (дата обращения 28.01.2019).
- ²⁷ Загоскин М.Н. Кузьма Петрович Мирошев. М., 1902. С. 4.
- ²⁸ Загоскин М.Н. Избранное. С. 296.
- ²⁹ Ср.: Загоскин С.М. Воспоминания. С. 43 и Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. С. 202.
- ³⁰ Загоскин М.Н. Избранное. С. 295.
- ³¹ Полубояров М. Весь Пензенский край. С. 364.
- ³² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб-М.: Типография М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. 587.

Дебют

Свое первое литературное произведение (в его жанре современники расходятся: сын писателя говорит о рассказе, а Сергей Аксаков о повести) Загоскин написал в одиннадцать лет. Оно называлось «Пустынник». Сергей Загоскин пишет: «Это детское произведение было настолько хорошо написано, что родители автора и все их знакомые не хотели верить, чтобы подобное сочинение могло выйти из-под пера одиннадцатилетнего ребенка»¹. Писатель Аксаков дополняет: в первом сочинении Загоскина «столько было оригинальных мыслей и приемов (так казалось окружающим), что многие, которым отец Загоскина давал читать ее, не хотели верить, чтобы это было написано Мишей, как называли его в семействе, в кругу родных и близких знакомых»².

«Пустынник» не сохранился. Но можно предположить, о ком (или о чем) было это произведение. Пустынник – отшельник, пустынножитель, затворник. В биографии отца писателя есть известный эпизод, когда он был послушником Свято-Успенской Саровской пустыни (ныне находится в Нижегородской области), в которой был послушником вместе с Прохором Мошным (будущим преп. Серафимом Саровским). «Препровождая время в молитве и посте и ревностно исполняя тяжелые, возлагавшиеся на него послушания, он вскоре приобрел искреннюю дружбу и уважение Серафима», – писал, по семейным преданиям, Сергей Михайлович Загоскин. – Несколько лет, проведен-

ных дедом в Саровской пустыни, совершенно согласовались с тогдашним его душевным настроением, и, казалось, служили подготовлением к дальнейшим отшельническим подвигам... но молодость взяла свое! Получив письмо от своих родственников Засецких, приглашающих его к себе в деревню для каких-то необходимых расчетов, Николай Михайлович с стесненным сердцем и великой грустью покинул на время обитель и поехал к ним в Пензенскую губернию»³.

Не об этом ли событии в биографии отца писал Михаил Николаевич? И не Серафим ли Саровский, живший уединенно с 1793 года⁴ в пяти километрах от монастыря, был главным его героем? Есть основания считать, что рассказ (повесть) был именно об этом. Саровская пустынь и преп. Серафим были хорошо известны в Пензенской губернии (они входили в Тамбовскую епархию), что и определило восторженное отношение к первому литературному опыту Загоскина. Заметим, что воспоминания Сергея Загоскина были опубликованы в 1900 году, то есть за три года до канонизации Серафима Саровского, а написаны еще раньше – сын писателя умер в 1897 году, что исключает конъюнктурность текста. Загоскин с юных лет был «богомолен и любил ходить в церковь»⁵, – как пишет С. Т. Аксаков.

Так почему же его первое произведение не могло иметь религиозный сюжет, при религиозности отца и его рассказах о Серафиме Саровском?⁶ Тем более что иеродиакон Серафим, находясь в Курске, где собирал средства на Саровскую церковь святых Зосимы и Савватия Соловецких, «посетил семью Загоскиных» и еще раз подтвердил обе-

щение «молиться за них и призвал благословение на потомство Николая Михайловича. После этого Загоскины неоднократно приезжали к преподобному в пустынь»⁷.

К созданию своих литературных произведений Загоскина подталкивало чтение книг. Загоскин был книголюбом. «Почти все свое время посвящал он книгам, – писал о детстве писателя Аксаков, – так что окружающие боялись, чтобы от беспрестанного чтения он не потерял совсем зрения, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчик находил разные средства к удовлетворению своей склонности»⁸.

Возможно, Миша был не прочь стать писателем. Но, к сожалению для него, такой профессии в России первой четверти XIX века не существовало.

Все российские писатели, по преимуществу дворяне, где-то, но служили. Михаил Загоскин мечтал об армии и просил родителей определить его в гвардейский полк, но они приготовили сыну другую судьбу, направив в мае 1802 года его в Петербург, в штатскую службу⁹.

Из Пензенской губернии в столицу будущий чиновник поехал вместе с сыном губернатора Вигеля Филиппом. Вигель позже в своих мемуарах так описал этот отъезд (перепутав, правда, время года: у Филиппа Филипповича весну заменила зима, «выпал снег, стали морозы»): «...мы не ехали, а летели»¹⁰. С мальчиками ехал знаменитый откупщик Василий Злобин. Он был «старым» знакомым Николая Михайловича¹¹ и поспособствовал поступлению его сына на службу канцеляристом в государственное казначейство¹².

Чиновничья жизнь Загоскина была горькой. Он получал небольшое жалование – 300 рублей в год от родителей и «усердно трудился»¹³. Жил очень скромно, на съемной квартире, бывало, что не имел денег на даже дрова, чтобы хорошо истопить зимой печь, и однажды сжег стулья, для того чтобы согреться¹⁴.

Об этом житье-бытье Загоскин предпочитал не вспоминать. За семь лет службы он дослужился от сенатского регистратора до коллежского секретаря, все – строго по выслуге лет, прослужив в двух ведомствах: государственном казначействе и в департаменте горных и соляных дел. Отечественная война 1812 года вырвала Михаила Николаевича из чиновничьей рутины. Он поступил в формирующееся санкт-петербургское ополчение, стал офицером четвертой дружины¹⁵.

В формулярном списке Загоскина указано: «Находился в походе против французов 1812, 1813, 1814 годов, в действительных сражениях был под городом Полоцким 1812 года октября 6-го дня, под Смоленскими 2 ноября этого же года, под крепостью города Данцига 1813 года 16, 17, 19, 20 и 21 августа, а 22 числа при взятии предместья Оры 5 сентября при взятии неприятельских шанцев». Под Полоцком Загоскин «получил контузию в ногу», за храбрость был награжден «орденом св. Анны на шпагу»¹⁶.

Фамилия Загоскина была выбита на мраморной плите храма Христа Спасителя, на 19-ой доске в числе раненых офицеров под Полоцком. После роспуска ополчения Михаил приехал к родителям в Пензенскую губернию, а в начале 1815 года отправился на службу в Петербург. Будучи чиновником, Михаил Николаевич не оставлял литератур-

ные опыты: «писал маленькие рассказы и повести»¹⁷. Писательские труды были знакомы родным и друзьям. «Началом и основанием известности»¹⁸ всероссийской стала для Загоскина его «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815). Она, как ураган, внесла в центр литературной жизни скромного столичного чиновника.

История появления комедии противоречива. Есть две версии. Первая принадлежит сыну писателя Сергею Загоскину. Он утверждает, что отец написал ее, находясь в Рамзае после окончания войны с французами¹⁹.

Автор второй – Сергей Тимофеевич Аксаков, первый биограф Загоскина. Он считает, что пьеса была написана М. Н. Загоскиным в Петербурге после появления на сцене комедии князя Александра Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам»²⁰.

Из двух версий верна аксаковская. Пьеса Загоскина – ответ критикам комедии Шаховского.

Об этом пишет сам Загоскин: «При первом представлении комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» видел я, с каким восторгом она принята публикою; но, несмотря на то, мог бы я предсказать автору, что он будет иметь неприятелей <...> Не держась никакой партии, я слушал спокойно странные суждения противников сей комедии, находил их довольно забавными, редко спорил, потому что невозможно спорить с теми, которые вместо доказательств прочитают какую-нибудь жалкую эпиграмму или пропоют ругательные куплетцы; но находя много комического в сем литературном ополчении против «Липецких вод» и здравого смысла, решился написать комедию, в коей мог бы поместить мое мнение о новой пьесе и не-

сколько забавных сцен, которых я был очевидным свидетелем»²¹.

Итак, «Комедия против комедии» не могла быть написана Загоскиным до постановки «Липецких вод».

Премьера «Липецких вод» прошла в Петербурге 23 сентября 1815 года²². Автор пьесы князь Шаховской стал покровителем молодого автора.

История их знакомства подробно изложена С. Т. Аксаковым, но вызывает вопросы. Писатель относит его к периоду с февраля по август 1815 года. Фабула знакомства такова: Загоскин, создав комедию «Проказник» в Рамзае, приехав в Петербург, решается показать ее Шаховскому, знаменитому драматургу. Шаховской должен был оценить комедию и сказать, есть ли талант у автора и «заслуживает ли его комедия»²³ сцены.

Князь высоко оценил пьесу. Ссылаясь на самого князя, Аксаков пишет, что драматург был «изумлен, когда между десятками бездарных произведений попалась ему в руки эта небольшая комедия, в которой он заметил много живости и неподдельной веселости»²⁴.

После «Липецких вод» Загоскин пишет «Комедию против комедии», защищая Шаховского. Так, в изложении Аксакова, началось знакомство драматургов, перешедшее «в самую близкую и дружескую связь».

Историк театра Пимен Николаевич Арапов говорит о знакомстве несколько иначе: «Первая комедия, сочиненная Загоскиным, «Проказник» была написана им в пензенской его деревне; он не знал, как пристроить ее на театр, и для того познакомился с П. А. Корсаковым, который свел его с Шаховским. Шаховской был тогда властелином

русской сцены; Загоскин сейчас понял, что нужно к нему сейчас подделаться и прежде всего получить право на его благодарность; вот он и явился к Шаховскому со своим «Уроком волокитам». Решитель судьбы драматических сочинений принял его с восторгом, смекнув, что «Комедия против комедии» много прибавит славы его «Уроку кокеткам»; он обласкал Загоскина и сжал его в своих широких объятиях, сказав «плеклясно, бесподобно, лучаюсь, что произведет эффект васа пиеса»²⁵. Арапов указывает, что комедию Загоскина ставил лично Шаховской.

Итак, по Аксакову, Загоскин приносит князю Шаховскому пьесу «Проказник», князь восхищается ей, а после премьеры «Липецких вод» Загоскин пишет свою «Комедию против комедии». По Арапову, Михаил Загоскин приносит Шаховскому «Комедию против комедии», чтобы получить его покровительство и поставить на сцене комедию «Проказник». Оставив в стороне нравственные акценты – отношения между Араповым и Загоскиным были далеки от дружеских – мнение Пимена Николаевича стоит признать более близким к истине.

Загоскин был скромным человеком, чтобы ему, коллежскому секретарю, без повода прийти к знаменитому драматургу, «властелину сцены», со своей только что написанной комедией. А предложить князю Шаховскому пьесу в защиту его на шумевшей комедии – повод весомый. В этом убеждает и хронология постановок: загоскинская «Комедия против комедии, или Урок волокитам» игралась на сцене театра 3 ноября 1815 года²⁶, в один день после «Липецких вод», а «Проказник» был «игран» 15 декабря 1815 года²⁷. Арапов верно пишет: «Это была только дань

благодарности, за обязательный панегирик, которым Загоскин вознес похвалою “Урок кокеткам”»²⁸. Пимен Арапов ошибся в одном: Загоскин совершенно искренно, бескорыстно, защищал комедию Шаховского, а не из-за того, что такая защита давала ему верный пропуск на сцену. Добрые дела вели к хорошим результатам. Долг был красен платежом.

«Урок кокеткам, или Липецкие воды» имел оглушительный успех, войдя премьерой не только в историю театра, но и литературы. С «Липецких вод» начал существование «Арзамас» – литературное общество с участием Жуковского, Пушкина, Вяземского.

Оно родилось как ответ на выведенного в «Липецких водах» в образе поэта Фиалкина Василия Жуковского. «Арзамас» сыграл большую роль в развитии литературы.

Вигель писал: «Нас сидело шестеро в третьем ряду кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я. Теперь, когда я могу судить без тогдашних предубеждений, нахожу я, что новая комедия была произведение примечательное по искусству, с каким автор победил трудность заставить светскую женщину хорошо говорить по-русски, по верности характеров, в ней изображенных, по веселости, заманчивости, затейливости своей и, наконец, по многим хорошим стихам, которые в ней встречаются. Но лукавый дернул его, ни к селу ни к городу, вклеить в нее одно действующее лицо, которое все дело испортило. В поэте Фиалкине, в жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит в своих балладах и

произносит несколько известных стихов»²⁹ Жуковского. Василий Андреевич был смущен, увидев себя на сцене, а сидевшие рядом с ним друзья, «кипящие молодостью», мгновенно рассвирепели. Они объявили войну Шаховскому и раскритиковали «Урок кокеткам» вдрызг.

Петр Вяземский: «Ты спрашиваешь у меня, любезный друг, как показались мне Липецкие воды. Что сказать тебе о них? Воды как воды! И если главным достоинством воды, как и всеми признано, есть совершенное отсутствие вкуса, то Липецкие воды могут спорить о преимуществе со всеми водами в свете. В сентябре месяце произошла в них неожиданная перемена, поразившая всех здешних натуралистов. Воды получили такую усыпительную силу, что стоило только подойти к их источнику, чтобы зевать, дремать и скоро заснуть богатырским сном. <...> дам тебе короткий и дружеский совет: беги Липецких вод!»³⁰.

Михаил Николаевич Загоскин, которому комедия Шаховского понравилась, очень быстро (сентябрь-октябрь) написал пьесу в защиту «Липецких вод».

Он совершенно верно отметил, что критики не поняли смысл пьесы. Как в пословице: «За деревьями не увидели леса».

В комедии шла речь о графине Лелевой, вдове, которая, отдыхая на водах в Липецке, ищет себе богатого мужа, чтобы расплатиться с долгами и вновь войти в высший свет.

Фиалкин – один из тех, кто претендует на брак, но из-за бедности поэта графиня его не рассматривает.

Александр Шаховской осуждает такое поведение дамы: планы графини рушатся, Фиалкин готов рассказать о ее падении в стихах: «*Фиалкин. Природа, ужаснись! Ах,*

*моему перу теперь я волю дам и все ее узнают. Угаров. Отмсти за нас, поэт»*³¹. Комедия счастливо завершается.

Михаил Загоскин рисует зеркальную картину. Богатую невесту ищет мужчина – граф Фольгин. Софья – наследница большого имения, которое графа интересует больше, чем невеста. *Фольгин: «Итак, я женюсь на Софье! женюсь! Как трудно выговорить это слово! Софья так проста, так скучна!.. Но что нужды до этого? Я буду каждый день ездить с утра до вечера по моим знакомым, она станет сидеть дома, и мы только изредка будем видеться между собою»*³². Граф Фольгин терпит полное фиаско. Он осмеивается автором так же, как и графиня Лелева. *Эрастов: «Осмеянный повеса уходит, степенный молодой человек женится на своей любезной. Зрители, если хотят, аплодируют, и актеры раскланиваются»*³³.

Шаховской и Загоскин показали явление одного порядка, широко распространенное в среде дворянства: брак по расчету. Он был тогда, он есть и сейчас. Изменились только декорации. Драматурги выступили защитниками любви, а не расчета. Символично, что премьера пьесы Загоскина прошла одновременно с очередной постановкой «Липецких вод». Первым шел на сцене «Урок кокеткам», затем «Урок волокитам», как две серии одного фильма, только снятые разными режиссерами. Успех комедии был огромен, но была и критика, доставшаяся драматургам одновременно.

Один из критиков задел Загоскина особенно больно. Михаил Николаевич не знал его имени, но если бы узнал, то, вероятно, был бы сильно расстроен. Им оказался Филипп Вигель, сын пензенского губернатора, с которым он

в 1802 году приехал из Пензы в Петербург. В Фольгине Вигель увидел себя (как в Фиалкине – Жуковского): «Пожалуй, я мог бы не узнать себя в Фольгине, большом врале, ветреном моднике, каким я никогда не бывал, если бы в некоторые из слов и суждений моих не были вложены в уста его. Я знал, чем отомстить человеку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не более древностью рода своего, чем новостью своей известности. Я уверил его, что все приятели мои не хотят верить его существованию, фамильное имя его прочитают вымышленным, одним словом, видят в нем псевдоним, под которым Шаховской написал комедию»³⁴.

Михаил Загоскин: «Правда глаза колет. Я должен был ожидать, что враги «Липецких вод» сделаются и моими; твердо решившись молчать и не отвечать ни на какие критики, я не сказал бы ни слова о мнении какого-то постороннего, напечатанном в 46-м номере «Сына Отечества», если б не было в нем ничего, кроме ругательств; но сочинитель сей жалкой статьи называет меня представителем и, как кажется, хочет дать почувствовать, что я есть не что иное, как орудие, употребленное другим; что через меня делает кто-то другой какое-то торжественное отречение: одним словом, г. посторонний хочет сделать и меня посторонним во всем, что касается до моей комедии. Для избежания всех пустых толков я не скрывал своего имени и теперь снова повторяю, что вся комедия, не исключая первого явления во втором действии, написана одним мною...»³⁵.

Осенью 1815 года как драматург дебютировал не только Загоскин, но и Грибоедов. В сентябре в Петербурге с

успехом прошла его комедия «Молодые супруги»³⁶. Она явилась вольным пересказом комедии Крезе де Лессера, которую историки театра оценивают как шедевр³⁷. Александр Сергеевич написал «Молодых супругов» по заказу Шаховского.

В журнале «Северный наблюдатель», который Загоскин издавал вместе с журналистом Корсаковым, Михаил Николаевич оценил грибоедовскую комедию положительно, но отметил в ней ряд неудачных стихов: «Где нет взаимности, рождается *остуда*», «Ах! убегая раз она домашней сени, // Тобою занята гораздо будет *меней*»³⁸... Это вызвало гнев Грибоедова. Современник указывал: «Искра попала в порох: Грибоедов не любил, чтобы его затрагивали»³⁹.

В письме к Катенину от 19 октября 1817 года Грибоедов писал: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахиною. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости»⁴⁰.

«Фасесия» – точнее фащесия, в переводе с латинского – «шутка», была размножена Грибоедовым в тысяче экземпляров. Грибоедов хотел напечатать «фасесию» в журнале «Вестник Европы».

В письме к Катенину он просит у друга совет: оставлять ли в поэтическом произведении имя Загоскина или

заменить его другим⁴¹. При жизни А. С. Грибоедова стихи напечатаны не были. «Помилуйте, Александр Сергеевич, – отвечали ему всюду, – разве подобные вещи печатаются: это чистые личности»⁴².

В год смерти Пушкина фрагмент «Лубочного театра» опубликовал журнал «Северная пчела». Михайло Моськин в стихотворении – это Михаил Загоскин. Грибоедов издевался над драматургией писателя, смеясь, точнее – иронизируя, над её простотой: «Вот вам Михайло Моськин, // Вот весь его причет: Княгини и Княжны, // Князь Фольгин и // Князь Блесткин; // Они хоть не смешны, да сам зато уж он// Куда смешон! Водиться с ним, ей-богу! праздник. // Вот вам его Проказник. Спроказил он неловко – раз упал, // Да и не встал. // Но автор таковым примером // Не научен – грешит перед партером, // Проказит до сих пор: // Что видит и что слышит, // Он обо всем исправно вздор // И говорит и пишет»⁴³.

Загоскин не ответил Грибоедову. И поступил мудро. Познакомившись с Загоскиным лично, автор «Горе от ума» «полнобил его и остался в приятельских с ним отношениях вплоть до самой своей трагической кончины»⁴⁴.

В письме Грибоедова к Загоскину от июля 1826 года можно, конечно, увидеть обычную формальную вежливость, а можно – и теплые отношения: «Любезный Михайло Николаевич! Мне в своих обстоятельствах совестно было тревожить тебя об ложе, но давеча ты сам вызвался, и я надеюсь на данное слово. Эти строчки на память. Доброе дело не пропадет. Будь здоров. А. Г.»⁴⁵.

Защищая любовь на сцене, Михаил Николаевич и в жизни не принял брак по расчету, хотя на нем настаивали

его родители, заставляя жениться на богатой девице Чихачевой. «Молодые люди, – пишет сын писателя, – не чувствовали к друг другу никакого влечения и должны были вступить в брак единственно в угоду и по приказанию родителей. К счастью, брак этот, по настоянию жениха, не состоялся, и в следующем году Михаил Николаевич, по собственному влечению и выбору своего сердца, женился на незабвенной моей матери, память о которой для меня сохранилась не только, как о женщине умной, просвещенной, но и редкой христианке, заслуживающей, без малейшего преувеличения, названия святой женщины»⁴⁶.

Супругой Загоскина стала Анна Дмитриевна Васильцовская, внебрачная дочь Дмитрия Новосильцева (он был женат на Екатерине Орловой, дочери Владимира Орлова, одного из известных братьев Орловых). Дмитрий Новосильцев не желал брака дочери с Загоскиным, но сдался под напором ее просьб, поставив условие, чтобы Загоскины жили только в его доме. Отношения зятя и тестя не сложились. Их нормализовал «Юрий Милославский». После выхода книги и последовавшей за ним царской милости – Михаил Загоскин стал камергером и директором московских театров – Дмитрий Новосильцев полностью забыл недовольство⁴⁷.

Громкий дебют Загоскина как драматурга сделал его известным театральной публике, а талант и трудолюбие в союзе с покровительством Александра Шаховского позволили быстро стать востребованным драматургом. Вторая пьеса Михаила Николаевича упрочила его славу. «Господин Богатонов или провинциал в Петербурге» «имела большой успех», – как писал Пимен Арапов, «зрителей

собралось много, несмотря на то, что значительная часть публики петербургской находилась в отсутствии на дачах <...> Вообще пьеса поставлена была и разыгрывалась прекрасно, и она утвердила самобытность комического таланта Загоскина»⁴⁸.

¹ Загоскин С.М. Воспоминания// Исторический вестник. 1900. № 1. С. 46.

² Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 355.

³ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 44.

⁴ Нарцов А.Н. Краткий исторический очерк Саровской пустыни// Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2012. С. 21 (историческая часть). Книга – репринтное издание сборника-календаря Тамбовкой губернии на 1903 год. Тамбов, 1903.

⁵ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 356.

⁶ Впервые такое предположение высказал пензенский краевед Е.П. Белохвостиков. См.: Белохвостиков Е. Странички пензенской истории. Пенза, 2008. Часть 1. С. 112.

⁷ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 356.

⁸ Там же.

⁹ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 46-47.

¹⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. С. 308-309.

¹¹ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 47.

¹² Формулярный список М.Н. Загоскина см.: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина - <https://www.prlib.ru/item/465354> (дата обращения 07.02.2019). Далее продвижение М.Н. Загоскина по служебной лестнице излагается по данному формулярному списку.

¹³ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 47.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. Т. 2. Деятельность собраний дворянства. Вып. 1. Ополчение 1812 года. СПб., 1912. С. 500.

¹⁶ Формулярный список М.Н. Загоскина см.: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина - <https://www.prlib.ru/item/465354> (дата обращения 07.02.2019).

¹⁷ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 47.

¹⁸ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 361.

¹⁹ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 47-48.

- ²⁰ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 359-360.
- ²¹ Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 7.
- ²² Арапов П.Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 238.
- ²³ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 358.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Арапов П.Н. Летопись русского театра. С. 243-244.
- ²⁶ Там же. С. 243.
- ²⁷ Там же. С. 245.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. 767.
- ³⁰ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. 1. С. 10, 14.
- ³¹ Шаховской А.А. Сочинения. СПб., 1898. С. 180.
- ³² Загоскин М.Н. Сочинения. С. 40-41.
- ³³ Там же. С. 50.
- ³⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн.2. С. 769.
- ³⁵ Загоскин М.Н. Сочинения. С. 8.
- ³⁶ Арапов П.Н. Летопись русского театра. С. 242.
- ³⁷ Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. С. 675.
- ³⁸ Там же. С. 675, 685.
- ³⁹ Смирнов Д.А. Рассказы об А.С. Грибоедове, записанные со слов его друзей //А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 231.
- ⁴⁰ Грибоедов А.С. Сочинения. С. 446.
- ⁴¹ Там же. С. 447.
- ⁴² Там же. С. 232.
- ⁴³ Там же. С. 330.
- ⁴⁴ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 48.
- ⁴⁵ Грибоедов А.С. Сочинения. С. 534.
- ⁴⁶ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 48.
- ⁴⁷ Подробно: Загоскин С.М. Воспоминания. С. 48-55.
- ⁴⁸ Арапов П.Н. Летопись русского театра. С. 254.

Драматург

Впервые с театром (скорее всего – заочно, из разговоров взрослых) Михаил Загоскин познакомился в детстве. Пензенская губерния была театральной. По числу театров, как утверждают исследователи, губерния уступала только Москве и Петербургу¹. Это были театры, принадлежавшие дворянам. Один из них Иван Долгоруков, пензенский вице-губернатор, являлся другом семьи Загоскиных. Театр Долгорукова, с которого в Пензе идет история местного театра, появился в 1793 году, когда Мише исполнилось четыре года. В ноябре, на премьере, играли комедию Екатерины II «Обманщик». Затем ставился «весь» Сумароков: комедии, чтобы «забавляться без труда и смеяться искренним смехом»².

Нет сомнений: Загоскины, близкие друзья вице-губернатора, видели постановки театра. Был ли в нем юный Миша – вопрос открытый. Документальных подтверждений нет. В романе Михаила Загоскина «Искуситель» главный герой, которому исследователи приписывают автобиографические черты Михаила Николаевича, утверждает, что не был в губернском городе до шестнадцати лет³.

В Петербурге, после Отечественной войны 1812 года, Михаил Загоскин в свободное время, несомненно, посещал театр. В сентябре 1815 года он был на премьере «Липецких вод» и видел восторг публики от спектакля⁴.

Став драматургом, Загоскин писал «легко и скоро»⁵. При этом он по-прежнему оставался чиновником. Сред-

ства к жизни приносила ему служба, а не пьесы. До декабря 1816 года Михаил Николаевич служил в Департаменте горных и соляных дел, с января 1817 по ноябрь 1818 был помощником члена репертуарной части дирекции Санкт-Петербургских императорских театров (по протекции Шаховского), служил библиотекарем в Императорской публичной библиотеке (до 1820 года)⁶.

В этот год Михаил Загоскин с семьей переехал в Москву, вслед за Новосильцевым – по требованию тестя⁷ – и стал экспедитором в дирекции московских императорских театров. Эту близкую для него должность Загоскин исполнял «сверх» основной, которую занимал.

Он был чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе Дмитрие Голицыне. Между драматургом и губернатором с первой их встречи возникла «душевная приязнь»⁸, которая значительно облегчила службу Михаилу Николаевичу. Он занимался только театром, своим любимым делом. Поэтому вполне объяснимо, что первую свою комедию в стихах «Урок Холостым, или Наследники», которая была и первой пьесой, написанной Михаилом Николаевичем в Москве, Загоскин посвятил Голицыну: «Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну. Принося сей дар не вельможе, но истинному любителю отечественной словесности, всегда готовому покровительствовать тем, кои занимаются ею, я жалею только об одном, что не могу украсить сим почетным именем произведения более достойного внимания вашего и одобрения просвещенной публики»⁹.

В столичный период жизни, после «Урока волокитам», Загоскин написал четыре пьесы «Богатонов, или Провин-

циал в столице» (1817), «Вечеринка ученых» (1817), «Роман на большой дороге» (1819) и «Добрый малый» (1820).

«Богатонова» Михаил Николаевич «в знак искреннего почтения и душевной преданности» посвятил князю Ивану Долгорукову, а комедию «Добрый малый» – Алексею Николаевичу Оленину, директору Императорской библиотеки¹⁰.

По словам Сергея Аксакова, самой удачной из них была пьеса «Богатонов». «Я могу ошибаться в собственных своих суждениях, а не в том, чему я был свидетелем, – вспоминал писатель. – Несмотря на невыгодное время своего появления, «Богатонов» очень понравился, и его давали очень часто в продолжение лета, осени и всего зимнего карнавала; зрители постоянно смеялись и хлопали, и он долго оставался в репертуаре»¹¹.

Главный герой комедии дворянин Богатонов приезжает в Петербург из провинции и ведет там жизнь столичного богатого дворянина, быстро влезая в долги. Он уверен: горожанин по уровню своего развития стоит выше жителя сельской местности и радуется, что своим городским образом жизни освобождается от презрительного прозвища «деревенщина».

Богатонов: «Не правда ли, что я не похож уж на вашего брата, деревенского? Что во мне есть что-то такое... что-то такое, как бы тебе сказать... что-то барское, знатное!» <...> Вот видишь ли, что значит жить в большом свете; а давно ли я приехал сюда дурак дураком»¹².

Комедия М. Н. Загоскина имеет дидактический характер, поэтому Богатонов в ее конце осознает свою ошибку.

«Богатонов. И какой черт дернул меня приехать в Петербург? И как пришло мне в голову знакомиться с этими знатными? Все меня покинули, всеми я оставлен.

Мирославский. Нет, у тебя есть еще друзья».

Богатонов. Друзья! Где они?

Мирославский. А обо мне ты позабыл.

Богатонов. Да, да, ты друг мой! Но что ты можешь сделать? Ты сам человек небогатый.

Граф. Позвольте, г-н Богатонов, предложить вам мои услуги; если угодно, я возьму на себя выплатить все долги ваши. <...>

Мирославский. Я хотел тебе показать на самом деле, что значит дружба городских твоих приятелей. Ты захотел из простого дворянина превратиться в знатного человека; что вышло из этого? Ты расстроил свое имение; плуты тебя обманывали, честные люди жалели о тебе...»¹³.

«Добрый малый» выводил на сцену мошенника, лицемера. Его воплощение – дворянин Вельский. Он говорит правильные слова, всегда вежлив, обладает хорошими манерами. Семейство Ладовых очаровано им. Но за красивой оболочкой скрывается жесткий эгоист. Вельский циничен в решении дел. Для него цель оправдывает любые средства. В конце пьесы обманутый Вельским Тузов разоблачает патрона, показывая его скрытую натуру. Но Ладов все равно не верит, по-прежнему считая Вельского добрым малым. Совершенно прав Аксаков: Вельский «не пустое, не временное, лицо, а вечное: протей по своему многообразию, он не переведется, куда будут жить люди обществом...»¹⁴.

Как комедиограф Загоскин сформировался под влиянием французской драматургии эпохи классицизма. Мольер был для молодого литератора иконой жанра. В первой четверти XIX века классицизм властвовал на русской сцене. Один из его композиционных законов – единство времени, места и действия. Согласно ему пьеса должна иметь один главный сюжет, само действие проходить в одном месте и в течение суток. Такое правило считалось нормой, и его придерживались все русские драматурги того времени. В современной драматургии представлено множество стилей, жанров и направлений.

И пьесы Загоскина, как и Сумарокова, Капниста, Грибоедова, выглядят архаично. Но форма никогда не должна заслонять содержание. Типы людей, показанных в комедиях Загоскина, есть и ныне, как и те, что выведены в «Горе от ума» Грибоедова. Богатонов и Вельский живут среди нас, как Чацкий и Фамусов.

Сюжет всех загоскинских комедий прост: «Везде надобно женить доброго человека на хорошей девушке, везде есть тетушка или сестра, несогласная на это брак, везде есть друг, дядя или брат, ему покровительствующий, везде изобличают жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдают невесту доброму человеку, ею любимому»¹⁵.

При этом автор проявляет недюжинный подход в создании интриг второго плана, показывая дворянские всевозможные типы (дворяне – главные действующие лица загоскинских пьес) своего времени: провинциальных и столичных помещиков и помещиц, представителей власти и военных, актеров и литераторов.

Простой люд также есть в комедиях Загоскина, но, за исключением дворни, он играет роли статистов.

Будучи библиотекарем, Михаил Загоскин познакомился с кругом литераторов. С двумя из них, служивших, как и он, в Императорской публичной библиотеке, Иваном Крыловым и Николаем Гнедичем у Загоскина установились особо теплые отношения. Переводчик «Илиады» Гнедич стал самым частым адресатом писем Михаила Николаевича. Крылову Загоскин писал меньше, но также проникновенно. Баснописец отвечал тем же.

Иван Крылов – Михаилу Загоскину, 1838 год, 1 ноября: «Виноват, почтенный и любезный старый сослуживец мой, Михайло Николаевич: я приятное письмо ваше получил и все собирался отвечать. Приезжайте в Петербург и побейте меня за мою лень. А между тем примите, как знак моего уважения и дружбы, медаль, которую доставить к вам из милости ко мне взялась Марья Степановна. Не помните лиха и напишите ко мне хоть строчку: вы тем крайне меня обяжете. Я было собрался к вам писать предлинную эпистолу, да в сию минуту должен ехать. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте сердечно любящего и почитающего вас лентяя и вашего покорного слугу И. Крылова. P.S. Я слышу чудеса о вашем новом романе «Искуситель», но не видел еще его и уверен, что прочту с большим удовольствием»¹⁶.

Николай Иванович Гнедич дал Загоскину первые уроки стихосложения еще в период совместной работы в Императорской публичной библиотеке¹⁷.

Живя в Москве, Загоскин отослал Гнедичу свои стихи и получил одобрение. Драматург был счастлив: «Хотя

я очень чувствую, что похвалы твои происходят от одного желания ободрить школьника поэта, но тем не менее это желание доказывает мне твою дружбу. Я прочел раз десять твое письмо и при всяком разе веселился как ребенок. Да, мой друг, твои похвалы для меня драгоценны»¹⁸.

Сергей Аксаков уточняет, что стихи Загоскина – плод случая. Приятели писателя утверждали, что он ничего не понимает в поэзии, так как не писал стихов¹⁹. Загоскин ответил, что докажет обратное. И два месяца спустя прочитал «Послание к Н. И. Гнедичу»: «Расстался я надолго с вами, // берега священные Невы! // уже исчезли пред глазами, // Среди туманной синевы, // Небес Петрополя унылых // Последние главы церковей. // И я как вихрь лечу, друзей оставляя милых, // На тройке удалых коней, // И в первый раз, живя досель с весельем в дружбе, // Узнал я горе не шутя. // А ты, товарищ мой по службе, // Бессмертных дев любимое дитя»...»²⁰. «Все были изумлены, – пишет Сергей Аксаков. – Тут проявилась вполне настоящая русская, разумеется, натура Загоскина; сказал: сделаю – и сделал, да еще едва ли не лучше учителей»²¹.

Николай Гнедич – Михаилу Загоскину, 1821 год, 19 мая: «Не думаю, мой друг, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имеешь и ум, и совесть дарованья, – чтобы не ослепляться собою. Успехи действительно, во всем смысле этого слова, блистательны – так никто не начинал: ты понимаешь меня – не начинал...»²².

Поддержка Гнедича (и, как пишет сын писателя, – Крылова²³) вдохновила Загоскина. И он написал первую свою комедию в стихах «Урок холостым, или Наследники». Она была сыграна в театре весной 1822 года и с восхищени-

ем принята публикой. Но наибольший успех выпал на комедию «Благородный театр» (1827). Сюжет комедии типичен для Загоскина: *любовная линия на фоне какой-либо жизненной ситуации.*

Здесь: репетиции любительского спектакля в театре провинциального помещика Любского. Комедия заканчивается, как обычно, счастливо: Вельский (не путать с Вельским из «Доброго малого»), Михаил Николаевич часто переносил фамилии своих персонажей из пьесы в пьесу) вступает в брак со своей возлюбленной Ольгой, племянницей владельца театра. Премьера прошла в Москве 28 декабря 1827 года²⁴.

Сергей Аксаков: «Эта пьеса имела самый полный, самый огромный успех: зрители задыхались от смеха, хохот мешал хлопать, и гром рукоплесканий вырывался только по временам, особенно по окончании каждого акта; только в последующие представления неумолкаемые рукоплескания раздавались вместе со смехом. Комедия вполне стоила такого успеха – но по мысли, которая не имела большой значимости и тогда, теперь же совсем ее теряет (кто в 1852 году станет серьезно заниматься благородными спектаклями?.. а тогда занимались ими серьезно), – но потому, что вся пьеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмом характеров, положений и речей, написана такими прекрасными стихами, что собственно в этих отношениях не имеет себе равной»²⁵.

К сорока годам Михаил Николаевич имел славу знаменитого драматурга. Его хорошо знали и в столицах, и в провинции.

В 1828 году, в феврале, Загоскин приезжал в Пензу²⁶. Елизавета Драшусова, супруга астронома Александра Драшусова, вспоминала: «С самых ранних лет литературные знаменитости имели для меня величайшее обаяние. Первый автор, как я узнала, был Мих. Ник. Загоскин, находившийся тогда во цвете лет и в апогее драматической славы. Пьесы его имели огромный успех, им рукоплескали на императорских театрах, на частных сценах, на которых их беспрестанно играли. Он приехал в Пензу повидаться с матерью, и там его чрезвычайно фетировали (поздравляли. – Д. М.), давали в честь его обеды, вечера, пили за его здоровье. Его сестра была за моим родным дядей, поэтому мы считались в свойстве и часто виделись. Он очень ласкал меня и называл маленькою кузиной. Он был хорош собой, имел доброе выражение лица и был чрезвычайно любезен. Я от него была в восхищении, особенно после того как он прочел нам свой Благородный театр. В течение моей жизни я слышала чтение многих литераторов, но нахожу, что лучше Мих. Ник. Загоскина никто не читал»²⁷.

Немного статистики. «Благородный театр» ставили на сценах Москвы и Петербурга с 1827 по 1841 год 64 раза: в среднем 4–5 раз в календарный год. «Господина Богатоннова, или Провинциала в Петербурге» с 1817 по 1843 год – 51 раз²⁸ Сведения по театрам в провинции неизвестны.

В 1830 году Николай I встретился с Загоскиным. В своей записной книжке Михаил Николаевич записал слова императора: «Будучи в Москве, я никогда не простил бы себе, если бы не познакомился с автором «Юрия Милославского»²⁹. Чуть ранее, в апреле 1830 года, Загоскин стал управляющим конторой московских театров и получил

знак отличия за беспорочную пятнадцатилетнюю службу. С апреля 1831 года Загоскин – директор императорских театров Москвы. Назначение управляющим московских театров публика приветствовала, а затем началась разногласица. «Что сказать тебе о моем житье-бытье? – писал Загоскин своему другу Лобанову в декабре 1832 года. Хлопочу по-прежнему; театр одни хвалят, другие ругают – меня одни любят, другие нет...»³⁰.

По словам Сергея Загоскина, отец большую часть дня был в театре. Дома семья его практически не видела. Первую половину дня он находился в театральной конторе, вторую – в театрах, наблюдая за игрой актеров³¹. Как директор Загоскин отвечал и за репертуар и за хозяйство.

Оценивая работу Загоскина как чиновника, Оксана Токранова писала: «Загоскина как чиновника подводило неперменное желание угодить всем — начальству, публике, актерам... деятельность Загоскина на посту директора московских императорских театров подтверждает то, что он был законопослушным служакой»³². Она приводит и отзыв самого драматурга о своей административной деятельности: «Боже мой, подумаешь так трудно управлять театрами за 700 верст от своего начальника, хлопчешь, трудишься, – денег в обрез, на всех угодить невозможно – недовольные приедут в Петербург, начнут жаловаться – долго ли Министру посочинить о деятельности Директора – дело заглазное – [не разбор.] – но видно уж Бог определил меня служить всегда пополам с горем»³³.

Вероятно, мало кто знает (на сайте Малого театра такой информации нет), что при М. Н. Загоскине, как директоре московских театров, прошла реконструкция Малого

театра – его здание было перестроено в 1838-1840 годах по проекту архитектора Константина Тона. «Как директор, – пишет Сергей Загоскин, – отец «отличался самую строгою экономией во всех театральных расходах, особенно при постановке новых опер и балетов, требовавших иногда значительных издержек. Можно утвердительно сказать, что едва ли до него и после него денежные средства московского театра были в таком блистательном положении, как во время его директорства...»³⁴.

Реконструкция театра прошла за счет средств дирекции. За ее проведение Михаил Николаевич получил от Николая I «табакерку с шифром»³⁵. Никто не обвинил Михаила Загоскина в хищении и растрате средств.

Михаил Николаевич всегда знал цену актерскому труду, поэтому поддерживал актеров материально, даже если это вызывало недовольство начальства. Министр императорского двора князь Волконский, чтобы сэкономить бюджет, однажды решил не выплачивать пенсион актерам, служившим без замечаний, то есть беспорочно. За актерами установили тщательную слежку, и любой их «ничтожный проступок»³⁶ вел к лишению положенного пенсионера. Загоскин блокировал решение министра и не приводил его в исполнение. Это раздражало князя, которому доносили о проступках актеров, и вело к интригам против Загоскина.

Одним из любимых актеров Загоскина был Щепкин. В 1822 году Михаил Семенович дебютировал в «Господине Богатонов, или Провинциале в Петербурге»³⁷. «Благородный театр» Загоскина, где Щепкин играл Любского, актер знал наизусть³⁸. Союз Щепкина и Загоскина способствовал постановке «Ревизора» на сцене Малого театра.

Михаил Щепкин – Николаю Гоголю, 1836 год, 7 мая: «... теперь просто об «Ревизоре»; не грех ли вам оставлять его на произвол судьбы, и где же? в Москве, которая так радушно ждет вас (так от души смеется в «Горе от ума»). И вы оставите ее от некоторых неприятностей, которые доставил вам «Ревизор»? Во-первых, по театру таких неприятностей не может быть, ибо М. Н. Загоскин, благодаря вас за экземпляр, сказал, что будет писать к вам, и поручил еще мне уведомить вас, что для него весьма приятно бы было, если бы вы приехали, дабы он мог совершенно с вашим желанием сделать все, что нужно для постановки пьесы...»³⁹.

Николай Гоголь – Михаилу Загоскину, 1836 год, 10 мая: «Препроводив к вам моего Ревизора, смею льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство в постановке на московской сцене. В рассуждении многих обстоятельств сценических уполномачиваю Щепкина, которому я передал свои замечания на счет распределения ролей, костюмов и прочего. Снисшедши к моей убедительнейшей просьбе, вы много обяжете пребывающего к вам с совершенным почтением и таковою же преданностью»⁴⁰.

Одну из встреч Гоголя и Загоскина, состоявшуюся за год до смерти Гоголя, запомнил сын Загоскина Сергей: «То был Николай Васильевич Гоголь. Поцеловавшись с отцом и кивнув нам головою, Гоголь отказался от сделанного ему приглашения с нами отобедать и сел около батюшки. Хотя я и прежде видал Николая Васильевича, но всегда издали, а потому был несказанно рад, что, наконец, судьба дала мне возможность насладиться лицезрением люби-

мого мною писателя и послушать его умные речи...увы, на это раз мне пришлось разочароваться!.. Гоголь смотрел исподлобья, упорно молчал, отвечая на все вопросы лишь словами: да и нет. Помолчав и просидев не более четверти часа, он встал, снова поцеловался с отцом, кивнул нам головою и удалился медленными шагами. Отец, очень любивший и уважавший Николай Васильевича, но давно не выдававший его, нашел в нем большую перемену, как в физическом, так и в нравственном отношении, и вместе с тем, пришел к убеждению, что наш великий писатель несомненно должен быть серьезно болен»⁴¹.

Одной из последних пьес Михаила Загоскина стала комедия «Недовольные». Премьера состоялась в Москве 2 декабря 1835 года в Большом Петровском театре⁴² – ныне Государственный академический Большой театр, рядом с Кремлем.

Александр Пушкин отмечал: публика встретила пьесу прохладно, «московские журналы» нашли ее «скудной и пошлой»⁴³, но, писал Сергей Аксаков, «были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитриев (поэт – Д. М.) в письме к Загоскину очень хвалил комедию»⁴⁴.

Виссариону Белинскому комедия не понравилась. В своей статье, сразу же после премьеры, критик писал: «Где видел г. Загоскин такие лица? И говорят еще, что комедия Фонвизина теперь уже анахронизм! Мы тоже думали, пока не увидели «Недовольных».<...> Уверяем г. Загоскина, что молодые люди, подобные князю Владимиру Радугину, не существуют в природе, что только подобные им были у нас когда-то, но что теперь их уже нет. Неужели у нас нет ничего смешного, ничего порочного, что авто-

ры вынуждены прибегать к выдумкам и небылицам? Нет, для Грибоедова общество представляло богатые материалы; теперь он не написал бы «Горе от ума», но написал бы новую и верную картину настоящего общества и так же бы насмешил ею. Но ведь у Грибоедова был огромный талант, если не гений!.. Скучно, утомительно и бесполезно говорить о других персонажах: это все одно и то же, только в разных костюмах и с разными именами»⁴⁵.

Удивительно, но в персонажах комедии Загоскина некоторые из современников вновь увидели реальных лиц: в князе Радугине (его играл Щепкин) – философа Петра Чаадаева, в бароне Турухтанове – декабриста Михаила Орлова⁴⁶. Сам Чаадаев в князе Радугине себя не обнаружил.

Распространялись слухи, что комедия написана по личному заказу Николая I (их источником был писатель Николай Мельгунов). Но пьеса – для этого достаточно познакомиться с ее текстом – не о Радугине и Турухтанове. Загоскин не мог их вывести в качестве героев, потому что: 1) никогда не был лично знаком с Петром Чаадаевым, и 2) «Философическое письмо» Чаадаева, сделавшее его знаменитым, было опубликовано в журнале «Телескоп» в октябре 1836 года, в то время как пьеса поставлена в декабре 1835 года. С декабристом Орловым Загоскин тоже не был знаком.

«Философическое» письмо Михаил Николаевич прочитал в публикации «Телескопа». Оно ему не понравилось: «И ужели русские без омерзения могли читать эту статью? (Это писано тот час по прочтении Философического письма.) У нас нет памятников великих дел! Нет славных преданий! Нет и не было народных добродете-

лей! Нет поэзии в скрижалях нашей истории! – Не злой ли безумец один может сказать, что мы развратились от Византии? Нет, вместе с великим даром истинного православия, которое утвердило величие России, спасая ее не один раз от Римского ига, мы почерпнули там и первые выгоды образованности»⁴⁷.

Не мог драматург выразить свое отрицательное отношение к философу, не зная его. Поэтому все разговоры, бывшие вокруг постановки комедии, есть не более чем частные мнения лиц, сопровождающие пьесу или роман. Всегда кто-то ищет прообразы героя или героини. Это обыкновенное явление в мире литературы.

Активно памфлетный характер комедии стал «продвигаться» в советское время, когда литературная деятельность стала продолжением политической борьбы, а положительные и отрицательные герои истории определялись их отношением к монархии. Монархист Загоскин был среди отрицательных персонажей. Как обскурант, он присутствует и в новейших исследованиях политической истории⁴⁸.

Между тем «Недовольные» – это пьеса, в которой речь идет об обществе отдыхающих на водах. На курорт приходит письмо, где говорится о назначении Глинского, одного из отдыхающих, товарищем министра. Это письмо совершенно случайно (завязка интриги) попадает к еще одному отдыхающему Радугину. Тот, обрадовавшись, готовится к отъезду в столицу. Его счастье продолжается до визита к нему Глинского, который говорит, что письмо, адресованное Радугину, у него, а его – у Радугина. Истина вызывает недовольство князя, точно также как часами ранее его

назначение, о котором он объявил всем, вызвало зависть и недовольство товарищей князя. Каждый хотел увидеть себя на месте Радугина. Еще одна недовольная из «курортников» Анисья Дмитриевна Камская, теща Радугина. Ей не нравится «водяное общество» и то, что никак не найдется богатый жених для дочери князя. В комедии обыгрываются житейские ситуации, что свойственно всей драматургии Михаила Загоскина. А то, что некоторым из современников не понравилась сама комедия, – так на вкус и цвет товарищей нет. Были и те, кому она приглянулась.

В феврале 1842 году Михаил Николаевич, устав от административной деятельности, ушел с должности директора московских театров. Он возглавил Оружейную палату. Здесь он пробыл до конца жизни – десять лет. Пьесы Загоскина все реже ставились на сцене. Его слава драматурга, чьи пьесы вызывали восторг зрителей, становилась историей. Загоскин получил известность как автор исторических романов, самым читаемым из них которых стал «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году».

¹ Ларин Е.М. Талант высокого достоинства (о драматургической и театральной деятельности М.Н. Загоскина) // Венок Загоскину. Пенза, 1990. С. 43.

² Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в август месяце на 25-ом году от рождения моего. СПб.: Наука, 204. Т.1. С. 343-344.

³ Загоскин Н.М. Собрание сочинений. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1901. Т. 9. С. 8; Савин О.М. Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 19-20; Лебедев В.И. М.Н. Загоскин как историк // Венок М.Н. Загоскину. С. 110.

⁴ См. главу «Дебют».

⁵ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 362.

⁶ Формулярный список М.Н. Загоскина см.: Президентская библио-

тека им. Б.Н. Ельцина – <https://www.prlib.ru/item/465354> (дата обращения 07.02.2019). Далее продвижение М.Н. Загоскина по служебной лестнице излагается по данному формулярному списку.

⁷ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 2. С. 51.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Загоскин М.Н. Собрание сочинений. Спб.: Товарищество М.О. Вольф, 1901. Т. 12. С. 176.

¹⁰ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 361-363.

¹¹ Там же. С. 362.

¹² Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 59.

¹³ Там же. С. 119-120.

¹⁴ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 362.

¹⁶ Крылов И.А. С. 361. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3. С. 361.

¹⁷ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 696.

¹⁸ Там же. С. 702-703.

¹⁹ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 365.

²⁰ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 672.

²¹ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 365.

²² Там же. С. 365-366.

²³ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 52.

²⁴ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 753.

²⁵ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 368-369.

²⁶ Это был невыясненный эпизод в биографии М. Н. Загоскина. См.: Рассказова Л.В. Загоскинская коллекция в фондах Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области // Венок Загоскину. С. 127. Формулярный список М. Н. Загоскина, ставший доступным исследователям, позволяет решить этот вопрос. Отпуск Загоскина, согласно формулярному списку, был с 9 февраля 1828 года, на две недели.

²⁷ Заметки неизвестной. Жизнь прожить не поле перейти // Русский вестник. 1881. Сентябрь. С. 128. Об авторе см.: Рассказова Л.В. Указ соч.

²⁸ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 750, 753.

²⁹ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 54.

³⁰ Загоскин М.Н. Сочинения. Т.2. С. 730.

³¹ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 68.

³² Токранова О. Секрет с Хлестаковым // Петербургский театральный журнал. См.: <http://ptj.spb.ru/archive/20/historical-novel-20/sekret-sxlestakovym/> (дата обращения 14.02.2019).

³³ Там же.

- ³⁴ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 67-68.
- ³⁵ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 382.
- ³⁶ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 69.
- ³⁷ Записки актера Щепкина. М.: Искусство, 1988. С. 341.
- ³⁸ Там же. С. 233.
- ³⁹ Там же. С. 162-163.
- ⁴⁰ Там же. С. 353.
- ⁴¹ Загоскин С.М. Воспоминания// Исторический вестник. 1900. № 3. 930.
- ⁴² Загоскин М.Н. Недовольные. М.: Типография Николая Степанова, 1836. С. 3.
- ⁴³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 222-223.
- ⁴⁴ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 382.
- ⁴⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 402-403.
- ⁴⁶ См.: Усакина Т.И. Памфлет М.Н. Загоскина на П.Я. Чаадаева и М.Ф. Орлова // Декабристы в Москве. М.: Московский рабочий, 1963. С. 162-184.
- ⁴⁷ Загоскин М.Н. Статья без заглавия // Сайт о М.Н. Загоскине. См.: <http://zagoskin.lit-info.ru/> (дата обращения 14.02.2019).
- ⁴⁸ Русский консерватизм XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 161.

Исторический романист

За Михаилом Николаевичем Загоскиным с подачи журнала «Отечественные записки» навсегда закрепилась слава «русского Вальтера Скотта»¹. На знаменитом портрете Василия Тропинина рядом с Михаилом Загоскиным расположен бюст Вальтера Скотта. Это действительно так: Загоскин стал основоположником *русского исторического романа*. До него выходили только исторические повести – Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница», А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга», А. О. Корниловича «Татьяна Болотова». Исторического романа не было.

По мнению читающей публики в 1827 году – и это после выхода в свет карамзинской «Истории государства Российского» – в российской истории было нечего описывать так, как делает это шотландец Вальтер Скотт. Историк Погодин, уязвленный этим выводом, опубликовал статью в журнале «Северная лира», где доказывал обратное. «Характеры Иоанна Великого, Грозного, Годунова, Лжедмитрия, Шуйского, Софии, Петра, – писал Михаил Петрович, – можно вывести на сцену едва ли не с таким же успехом, с каким Валтер Скотт вывел Елизавету (в «Кенильворте»), Марию Стюарт (в «Аббате»), Кромвеля (в «Вудстоке»), Иакова (в «Ниджеле»), Каролину (в «Эдинбургской темнице»). И в каких происшествиях являются сии лица! При Иоанне Великом: уничтожение прежнего феодального правления, принятие удельных князей ко двору велико-

го князя, свержение монгольского ига, политическая связь с славным крымским Менгли-Гиреем, переговоры с Польшею и Литвою, покорение республиканского Новгорода. При Иоанне Грозном: угнетение бояр, опричники, покорение Казани, Астрахани, связь с Англиею, жизнь Ермака, войны Ливонские, польская. При Годунове происки князей рюрикава племени. При Лжедмитрии поляки в России. При царе Алексее Михайловиче присоединение малороссийских казаков к России, борьба невежества с просвещением, стрельцы, путешествие, заговоры Софии и пр. и пр. Вот некоторые общие происшествия, в которых русский романист может заставить свои лица принимать участие. Творить же сии лица, представлять их отношения между собою, изображать их страсти, изобретать частные происшествия – есть уже, разумеется, его личное дело»².

Вальтер Скотт имел в первой половине XIX века огромную славу. Философ и политик Петр Струве, живший в первой половине XX века, отмечал: «В известном возрасте – я думаю, в моем поколении в возрасте между 8 и 14 годами, – мы все зачитывались и упивались Вальтер Скоттом. С Вальтер Скоттом в наших душах соперничал разве только... Жюль Верн. Наши деды и отцы совершенно иначе, в ином возрасте и ином душевном состоянии, чем мы, увлекались Вальтером Скоттом. Для них он был гениальным писателем, переживавшимся ими примерно так, как нами переживались Достоевский, Толстой, Ибсен»³. «Кажется, в нашем веке невозможно поэту не отозваться Байроном, как романисту не отозваться В. Скоттом, как ни будь велико и даже оригинально дарование», – писал в 1827 году князь Петр Вяземский⁴.

Первые упоминания о шотландском романисте появились в русской печати в 1811 году, накануне Отечественной войны, но популярность писателя среди русских читателей относится к послевоенному времени. Произведения Вальтера Скотта в России читали как в оригинале, так и в переводах – чаще французских. С французских текстов делали русские. Поклонниками Скотта были Пушкин и Жуковский, Карамзин и Языков, Вяземский и Баратынский, декабристы. В восторге от романов Скотта был Николай I. Он знал писателя лично: познакомился с ним в 1816 году в Эдинбурге, во время путешествия по Великобритании⁵. Возможно, здесь ключ к восторженному восприятию загоскинского «Юрия Милославского» императором. Книга была написана «русским Вальтером Скоттом».

Михаил Загоскин был хорошо знаком с творчеством великого шотландца. Он читал, во французских, но, скорее всего, в русских переводах такие его сочинения как «Квентин Дорвард», «Айвенго», «Веверлей», «Пуритане»⁶.

По словам Аксакова, свой роман «Юрий Милославский» Загоскин задумал «до окончания комедии» «Благородный театр», то есть в 1827 году⁷. Вполне возможно, что побудила сделать это статья Погодина в «Северной лире». Темы практически всех исторических романов Загоскина перечислены Погодиным. Сравните. Киевская Русь – «Аскольдова могила». Смутное время – «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Раскольники – «Брынский лес». Петр I – «Русские в начале осмнадцатого столетия».

К концу двадцатых годов Загоскин устал от драматургии: ему, по его собственным словам, надоело «таскать кандалы условных, противоестественных законов, кото-

рые носит сочинитель, пишущий комедию, да еще шестистопными стихами, с проклятыми рифмами»⁸. Роман грезился ему «открытым полем, где могло свободно разгуляться воображение писателя»⁹.

Вальтер Скотт создал исторический роман как жанр. Он первым в европейской литературе обратился к историзму – принципу познания вещей и явлений в их становлении и развитии, в «органической связи с порождающими их условиями»¹⁰. Скотт сделал роман – низкий жанр в эпоху классицизма – модным. Шотландец придал роману познавательное значение, превратив в «историографическое сочинение»¹¹. Им была дана структура исторического романа, которой воспользовался не только Михаил Загоскин, но и, например, Фенимор Купер – американский Вальтер Скотт.

В исторических романах Скотта всегда есть острый социальный конфликт – двигатель сюжета. Главный герой, попав в ситуацию конфликта, самоопределяется, делает жизненный выбор. В романе обязательно присутствует любовная интрига.

Главный герой – лицо вымышленное. Скотт считал, что историю творят простые люди, отсюда его пристальное внимание к народу.

Писатель снял проклятие с «черни», низших сословий, отверг презрение аристократов к простому народу, характерное для времени, в которое он жил.

Простолюдины начали оценивать дела правителей, великих людей, выносить им исторический приговор.

Скотт ярко показал, что в истории побеждает тот, кто отражает интересы народа.

Романы шотландца – это романы-путешествия и романы-воспитания.

Михаил Загоскин был добросовестным учеником Вальтера Скотта, как по структуре исторического романа, так и персонажам.

Исследователи нашли заимствования Загоскина.

В «Юрии Милославском» из «Квентина Дорварда»: «Псевдо-колдун Кирша ставит в зависимость здоровье боярышни Шалонской от точного исполнения ее грозным отцом своих предписаний; – псевдо-астролог Людовика XI ставит в зависимость жизнь короля от своей безопасности. Кирша подслушивает беседу наемного разбойника Омляша с земским ярыжкой, узнает из нее, что боярин Кручина-Шалонский поручил Омляшу напасть на Юрия Милославского в пути, когда тот поедет с грамотой от Кручины к нижегородскому боярину ИстOME Туренину, нападение это должно состояться при разветвлении дорог у часовни; далее Кирша спасает Юрия объездом по другой дороге; – Квентин Дорвард подслушивает разговор цыгана-проводника с ландскнехтом о предстоящем нападении на него у часовни трех королей, причем это нападение организовано по замыслу Людовика XI, давшему Дорварду лицемерное поручение проводить графинь де Круа; Квентин избегает опасности объездом по другой дороге».

В «Юрии Милославском» из «Айвенго»: «заимствован пес свинопаса Гурта, перелицованный в Зареза, верную собаку Кирши; заимствован и тип попа богатыря, о. Еремея, стоявшего во главе подмосковных шишей – припомним богатыря клирика шайки партизанов, в котором отразился товарищ легендарного Робин Гуда. Боярская трапеза

в Теплом Стану во время приближения опасности – и такой же пир нормандских рыцарей; трудная смерть злодеев Кручины Шалонского и Фрондебефа»¹².

В романе «Аскольдова могила» Загоскин показал Киевскую Русь времен Владимира накануне принятия им христианской веры. Главный герой, любимый дружинник князя Всеслав, испытывая неприязнь к христианам, принимает христианство из-за своей любви к христианке Надежде. Князя Владимира спасает на охоте христианин Дулеб, смягчает его языческое сердце и открывает путь к принятию новой веры. В романе «Брынский лес» Загоскин описал период правления Софьи. Рассказал о старообрядцах, укрывавшихся в дремучих лесах Калужского края, о любви стрелца Дмитрия Левшина к боярской дочери Софье в эпоху противостояния бояр Милославских и Нарышкиных. Дмитрий Левшин делает выбор в пользу Петра I.

В «Русских в начале осмнадцатого века» – эпоха Петра I, борьба нового и старого строя. Загоскин показал ее через быт боярских семей Загоскиных и Прокудиных, дети которых никак не могут связать свои судьбы из-за разного отношения родственников к реформам. Но в конце компромисс достигнут. Брак заключен.

При создании исторических романов Загоскин внимательно изучал книги по истории, делал из них необходимые выписки.

В «Аскольдовой могиле» прямо указал на «Историю государства Российского» как главное историческое сочинение, положенное в роман, его документальную основу. Голиковские «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» стали основной книгой Михаила Нико-

лаевича при подготовке «Русских в начале осемнадцатого века». Аксаков вспоминал труд Загоскина над «Юрием Милославским»: «Он был весь погружен в эту мысль, охвачен ею совершенно; его всегдашняя рассеянность, к которой давно привыкли и которую уже не замечали, до того усилилась, что все ее заметили, и все спрашивали друг друга, что сделалось с Загоскиным? Он не видит, с кем говорит, и не знает, что говорит? – Встречаясь на улицах с короткими приятелями, он не узнавал никого, не отвечал на поклоны и не слышал приветствий: он читал в это время исторические документы и жил в 1612 году»¹³.

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» был опубликован в 1829 году. Первая часть сочинения была разрешена цензурой 19 июля, третья (завершающая) – 9 ноября 1829 года¹⁴. Роман был мгновенно распродан (в три дня, писал Загоскин, пятьсот экземпляров) и полюбился всем сословиям¹⁵.

Герои романа ушли в народ, их обсуждали, как и автора. Персонажей «Юрия Милославского» изображали на платках и шкатулках¹⁶. Как отмечают исследователи, на популярность «Милославского» повлияло и то, что роман напоминал русскую сказку¹⁷.

Александр Пушкин – Михаилу Загоскину, 1830 год, 11 января: «Милостивый государь Михайло Николаевич, прерываю увлекательное чтение Вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить Вас за присылку «Юрия Милославского», лестный знак Вашего ко мне благорасположения. Поздравляю Вас с успехом полным и заслуженным, а публичку с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы

от него в восхищении <...> Дай бог Вам многие лета – т. е. дай бог нам многие романы»¹⁸.

Сергей Аксаков, статья в «Московском вестнике», 1830 год: «Радуюсь прекрасному явлению в литературе нашей, как общему добру, мы с большим удовольствием извещаем читателей, что наконец словесность наша обогатилась первым историческим романом, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюмы, язык. Не один раз прочитав его с вниманием и всегда с наслаждением, мы считаем за долг сказать свое мнение откровенно и беспристрастно, подкрепляя по возможности похвалы свои и осуждения, разумеется, кроме тех случаев, где и то и другое будет основано на чувстве чисто эстетическом – вкус: он у каждого свой. Если бы романы Вальтера Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы «Юрий Милославский» сохранил свое неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонте нашей словесности...»¹⁹

Иван Тургенев – Сергею Аксакову, 1853 год, 22 января: «...что касается до «Милославского» – то я знал его наизусть; помнится, я находился в пансионе в Москве в 31 году (мне был 12 год) – и нам по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание «Юрия Милославского». Невозможно изобразить Вам то поглощающее и поглощенное внимание, с которым мы все слушали; я однажды вскочил и бросился бить одного мальчика, который заговорил было посреди рассказа. Кирша, земский ярыжка, Омляш – боярин Шалонский – все эти лица были чуть не родными всему нашему поколению – и я до сих пор помню все малейшие подробности романа. Да, такая народность завидна – и дается немногим!»²⁰

Когда в 1838 году вышло пятое издание романа, критик Виссарион Белинский написал: «Пятое издание! Я питаю глубокое уважение к книгам, выдержавшим даже два или три издания; но о книге, удостоившейся пяти изданий, я просто почитаю преступлением ограничиться несколькими строками и не написать целой статьи. <...> это пятое издание очень мило: оно в одной книжке, бумага и печать прекрасные, к каждой части приложено, на первом заглавном гравированном листе, по картинке; они представляют сцены из романа и уже известны читателям. Книжка продается в прекрасной разноцветной обертке, с заглавием белыми литерами, которые составляют фон бумаги. Одним словом, г. Ширяев делает этим изданием прекрасный и вместе очень дешевый подарок публике: «Юрий Милославский» стоит всего пять рублей. Мы так рады распространяющемуся у нас вкусу к компактным и миниатюрным дешевым изданиям, что почитаем долгом, говоря о них, упоминать о цене. Это важное обстоятельство: книги в России самый дорогой товар, и в провинции только богачи имеют возможность удовлетворять своей охоте к чтению»²¹.

«Юрий Милославский» был первым русским романом, переведенным на иностранный язык. Переводы были сделаны на французский, немецкий, итальянский, голландские языки. Варвара Ивановна Ланская с дочерьми перевела роман на английский язык – язык Вальтера Скотта²².

Журнал «Телескоп» в 1831 году перепечатал статью из немецкого журнала. «Ни шум, предшествовавший сему роману, ни то, что в короткое время вышло три издания сего сочинения и что три французские и один английский

перевод передали имя сочинителя чужим краям, не имели никакого влияния на рецензента, который в сем отношении не один раз уже был обманут, – говорилось в ней. – Г. Загоскин действительно имеет все качества исторического романиста: его смело можно поставить наряду со знаменитым Британцем (т. е. Вальтером Скотом. – Д. М.), коего имя для исторических романистов сделалось, так сказать, нарицательным. Даже в одном отношении г. Загоскин выше сего великого мастера. У него не встречаем ничего, чтобы напоминало нам о неприятной плодовитости Валтера Скотта, о его утомительном распространении известных любимых мыслей, о расширении приключений, за которыми мы не в состоянии следовать». Загоскин имеет все совершенства Валтера Скотта, не разделяя его слабостей. Британец не превосходит Русского ни в правильной обрисовке характеров, ни в очаровательной живописи подробностей. Язык Загоскина благороден, прост»²³.

Успех окрылил Михаила Николаевича. По следам триумфа он написал новый роман «Рославлев, или Русские в 1812 году».

Став признанным романистом, Загоскин в письме к Василию Жуковскому от 20 января 1830 года рассказал о своем взгляде на исторический роман: «Исторические романы можно разделять на два рода: одни имеют предметом своим исторические лица, которые автор заставляет действовать в своем романе и на поприще общественной жизни, и в домашнем быту; другие имеют основанием какую-нибудь известную эпоху в истории; в них автор не выводит на сцену именно то или другое лицо, но старается характеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы в

эпоху, взятую им в основание его романа»²⁴. Исторические романы Загоскина относились ко второй категории.

Михаил Николаевич не любил философию и философов²⁵. Но парадоксально, что через романы Вальтера Скотта, он стал популяризатором идей немецкого философа Иоганна Гердера. «В основе воззрений Скотта на историю и ее смысл», отразившихся в романах, лежала гердеровская историософия²⁶. «Русский Вальтер Скотт» принял ее естественно, так как она не расходилась с его собственным мировоззрением. Смысл истории, согласно Гердеру, состоял «в общественном и нравственном совершенствовании человечества»²⁷.

Иоганн Гердер: «...если рассмотреть человечество таким, каким мы знаем его, по заложенным в нем законам, то у человека нет ничего более высокого, чем гуманный дух <...> натура наша получила свой органический строй, чтобы достигать именно этой очевидной цели – гуманности; для этого даны нам и все более тонкие ощущения и влечения, разум и свобода, хрупкость и выносливость тела, язык, искусство и религия. В каких бы условиях ни существовал человек, а каком бы обществе ни жил, в уме его всегда могла быть одна только гуманность, и возделывать мог он лишь дух гуманности, как бы ни представлял ее себе <...> все хорошее делалось в истории ради гуманности, а все нелепое, порочное и омерзительное, что проявлялось в истории, было преступлением против духа гуманности»²⁸.

Гердер уделял большое внимание традиции, языку – «лишь язык превратил человека в человека», религии – «самой древней и священной традиции Земли»²⁹. Любовь

к русскому языку, верность религии предков были важны и для Михаила Загоскина, критиковавшего часто современников за подражание иностранцам. Исторические романы Загоскина учат человечности, в них много говорится о традициях и всегда побеждает добро.

Михаил Загоскин, «Москва и москвичи»: «Гуманность. Я думаю, что в этом слове не всякий француз узнает свое «humanité», тем более что при переделке «на русские нравы» оно получило смысл гораздо обширнейший. Гуманность можно перевести русским словом человечность, то есть способность сочувствовать всему, что составляет истинное достоинство человека, или вообще любовь ко всему человечеству, и, разумеется, в самом высоком значении этого слова. Гуманность заменила у нас другое выражение, которое уже несколько поизносилось, а именно космополитизм. Вероятно, господа космополиты, сиречь – граждане вселенной, оправдывают это странное гражданство своей любовью ко всему человечеству; следовательно, гуманный человек и космополит почти одно и то же; надобно только сказать, что есть два рода космополитизма, или гуманности; один выражается не словами, а делом, другой, по большей части ограничивается одним красноречивым пустословием; первый имеет своим основанием закон божий, второй опирается на просвещение и философию, а самый опыт не раз нам доказывал, как хрупки и ненадежны эти опоры»³⁰.

Судьба Загоскина-романиста повторила судьбу его литературного учителя – Вальтера Скотта. Огромная популярность при жизни и постепенное забвение после смерти. Из книг для всех исторические романы Загоскина

перешли к середине XIX века в разряд книг для юношества. Однако, как отмечал литературовед Александр Орлов, «писательская среда еще долго эксплуатировала элементы загоскинского исторического рассказа»³¹.

Из «Юрия Милославского» Михаила Загоскина вышел «Князь Серебряный» Алексея Толстого, а из «Рославлева» – «Война и мир» Льва Толстого³².

¹ Отечественные записки. 1830. Ч. 41. С. 166-169. Стоит отметить, что рецензент, сравнивая М.Н. Загоскина с В. Скоттом, все-таки считает, что «Юрий Милославский» больше похож на романы Ф. Купера, ибо «у Загоскина, как и у того, главные лица вымышлены, созданы им самим, а исторические действия побочно, второстепенно».

² Погодин. Письмо о русских романах // Северная Лира на 1827 год. М.: Наука, 1984. С. 137-138.

³ Струве П.Б. Дух и слово. Paris: YMCA-PRESS, 1981. С. 342-343.

⁴ Цит по: Левин Ю.Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха Романтизма. Ленинград: Наука, 1975. С. 5.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Орлов А.С. Вальтер Скотт и Загоскин // Сергею Федоровичу Ольденбургу. Сборник статей. Ленинград: Академия наук, 1934, С. 417-418.

⁷ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 370.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Шохина А.Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М.Н. Загоскина. Диссерт. на соиск. канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 6.

¹¹ Там же. С. 29. прим 2.

¹² Орлов А.С. Вальтер Скотт и Загоскин. С. 418.

¹³ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 370.

¹⁴ Загоскин М. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Москва: Типография Н. Степанова, 1829. Часть 1; Загоскин М. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Москва: Типография Н. Степанова, 1829. Часть 3. Сканы первого издания романа – в Президентской библиотеке имени Б. Н. Ельцина.

¹⁵ Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 720.

- ¹⁶ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 373.
- ¹⁷ Шохина А.Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М.Н. Загоскина. С. 66.
- ¹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. Т. 10. С. 208.
- ¹⁹ Аксаков С.Т. Собрание сочинений. М.: издание А.А. Карцева, 1902. Т. III. С. 290.
- ²⁰ Тургенев И.С. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1958. Т. 12. С. 143.
- ²¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.: Академия наук, 1953. Т. 2. С. 480-481.
- ²² Шохина А.Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М.Н. Загоскина. С. 55.
- ²³ Телескоп. 1831. № 9. С. 127-128.
- ²⁴ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 722.
- ²⁵ Там же. С. 738.
- ²⁶ Шохина А.Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М.Н. Загоскина. С. 39-40.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 428-429
- ²⁹ Там же. С. 235, 236, 252.
- ³⁰ Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 256.
- ³¹ Орлов А.С. Вальтер Скотт и Загоскин. С. 420.
- ³² Там же.

Консерватор

Михаил Загоскин был человеком неполитическим. Политикой он не интересовался. Загоскин принимал существующий политический строй – самодержавную монархию, и его консерватизм имел преимущественно литературный характер.

Консерватор, согласно словарю Даля, «охранитель». Им называют того, кто «блюдет настоящий порядок дел, управления, противник новизны, перемен»¹. Это довольно широкое определение. И оно требует уточнений, потому что быть за «перемены» всегда в жизни вряд ли возможно, и сама по себе перемена перемене – рознь.

Загоскин не принимал перемен в языке – его с юности возмущало обилие иностранных слов в речах современников при имеющейся возможности назвать вещи или явления русскими словами. Об этом он ярко рассуждал в «Письме из Арзамаса» (название «говорящее», отсылающее к литературному обществу), входящего в цикл «Москва и москвичи»: «Вот, например, искусство посредством солнечного света делать верные снимки с лиц человеческих и с разных других предметов французы называют дагерротипом (фу, батюшки! насилу выговорил!). А ведь мы умеем же это новое изобретение назвать по-русски – и, воля ваша! слово «светопись» понятнее и вернее французского слова «дагерротип», которое, как я слышал, ровно ничего не значит»². Или – «Субстанция (substance). Слово от слова по-русски: сущность. Даже в обеих грамматиках,

русской и французской, часть речи, зазываемая по-русски имя существительное, а по-французски le nom substantive, происходят от одного и того же корня». Загоскин задавал вопрос: «Что за необходимость из этих двух совершенно тождественных слов употреблять непременно французское слово, понятное только для тех, которые знают этот язык?»³.

Русский язык Загоскина читатели ценили. Генерал Петр Граббе, бывший декабрист и герой Кавказской войны, прочтя «Москву и москвичей» Загоскина весной 1847 года, пометил в записной книжке: «У него русский язык гибок, гладок, текуч, выразителен <...> так счастливо облеченное эти слогом умно и приятно занимает рассудок и душу. Это теплота кабинетного камина. Ни один из нынешних писателей, из которых иные с похвальным искусством владеют русским пером, не возбудил во мне такой живой надежды, что близок уже желанный день, когда русский чистый язык вытеснит и в высшем обществе из разговора господство французского языка. Спасибо Загоскину!»⁴.

Острым противостоянием в мире литературы в царствование Александра I был спор «карамзинистов» и «шишковистов» – последователей Николая Карамзина и Александра Шишкова. Он касался введения неологизмов и сохранения архаизмов в русском языке. Шишков отождествлял церковнославянский и русский язык и был против иностранных заимствований. Мокроступы он предпочитал калошам, топталище – тротуару, двоицу – паре. Загоскин не был полностью на стороне Шишкова⁵, но и Карамзина безоговорочно не поддерживал. Михаил Ни-

колаевич понимал важность изменений в языке, но был против его засорения иностранными словами. Слово «человечность», введенное Карамзиным, являлось для Загоскина «русским словом», а «тенденция» при наличии «направления» – иностранным.

«Я согласен, – писал Загоскин, – что язык обогащается, когда мы переносим в него слова, заключающие в себе новую мысль или понятие, для которых в нашем языке нет верного и приличного выражения, но если мы свое коренное слово заменяем без всякой нужды совершенно тождественным иностранным словом, то, конечно, вовсе не обогащаем, а разве истощаем и портим свой собственный язык»⁶.

Манифестом русского консерватизма начала XIX века считается Записка Карамзина о Древней и Новой России. Неизвестно, был ли знаком с ней Загоскин (печать Записки была запрещена, ее фрагмент впервые был опубликован в журнале «Современник», 1837, № 5), но мысли Загоскина, изложенные в его романах, во многом созвучны мыслям Карамзина. Хотя еще раз стоит подчеркнуть, что Загоскин не интересовался политической деятельностью.

Загоскина раздражало преклонение перед иностранным. Об этом он писал в 1821 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», который издавался Вольным обществом любителей российской словесности, куда Михаил Николаевич входил: «Если по народным пословицам можно судить о характере и духе целой нации, то конечно чаще всех должна употребляться у нас, русских, пословица: там хорошо, где нас нет. Впрочем, благодаря успехам истинного просвещения, с некоторого вре-

мени, это пристрастие ко всему иноземному уменьшается весьма приметным образом. На сих днях, разговаривая с одним французом о Париже, сделал это замечание; – он хотел доказать мне, что набережная Сены гораздо лучше Невской, потому именно, что наш сделана из гранитных плит, а та из простых камней, которыми мостят улицы. Лет тридцать назад, конечно никто не смел бы усумниться, что в Париже гораздо удобнее ходить по мостовым, чем в Петербурге по гладким гранитным плитам, а теперь... порадитесь со мною, любезные читатели! Как вы думаете? – из десяти русских, бывших свидетелями нашего разговора, только шестеро взяли сторону француза. Судя поэтому, не трудно догадаться, что мы начинаем уже понемногу привыкать любить свое и не удивляться всему чужому, а особливо теперь, когда путешествия по Европе сделались для многих русских почти обыкновенными прогулками»⁷.

Далее писатель приводит рассказ о путешествии одного молодого человека в Европу, когда восторг перед всем иностранным, что был у него в начале поездки, меняет твердое убеждение, что в России все не так плохо. «Теперь приятель мой давно уже в своем отечестве и любит его от всего сердца. О Германии не говорит никогда, о Франции вспоминает иногда с удовольствием; но об Англии не может подумать без ужаса. «Если бы мне предложили, – говорит он всегда, – выбрать любое: жить в Англии или повеситься, то конечно я попросил бы несколько дней на размышление»⁸.

У Загоскина мало политических оценок современности (он все-таки аполитичен), и это объяснимо. Михаил Николаевич не принадлежал к числу тех, кто связывал улучшение

ния в жизни общества с изменением его общественно-политических основ. Такую позицию, как правило, занимала либеральная общественность, но споры западников и славянофилов не волновали Загоскина. Прошел он и мимо движения декабристов. Загоскин «не пленялся идеями», как писал Вигель⁹. Будучи консерватором, он делал упор на человека, а не на среду. Типичное кредо консерватора: меняется человек – изменяется мир, а не наоборот¹⁰.

Религия при таком подходе – главный путь совершенствования человека. Попытки изменить мир, руководствуясь разумом, философией, ведут к трагедиям. Ярким примером такого обмана служила для Загоскина революция во Франции.

Михаил Загоскин, «Искуситель»:

«– Я вовсе не хитрю, – сказал я, – но мы, кажется, совершенно отбились от нашей материи. Я говорил только, что очень грустно смотреть на этот неравный жребий людей! Ну, скажи сам, не прискорбно ли видеть, что один не знает куда деваться с своим богатством, а у другого нет куска хлеба, один создан для всех земных наслаждений, а другой как будто бы обречен со дня своего рождения на всегдашнюю бедность и нищету. Боже мой, боже мой! Да неужели нет никакого средства уменьшить это ужасное неравенство состояний?»

– Нет, мой друг, если мы станем прибегать к одним средствам человеческим. Послушай, Александр, вчера я был у Якова Сергеевича Луцкого, который, мимоходом сказал, очень жалеет, что давно с тобою не виделся. У нас зашла речь о французской революции. Надобно было видеть, с каким душевным сокрушением он говорил

об этом ужасном событии, превратившем целое государство в одно обширное лобное место, на котором, для потехи беснующейся толпы, лилась беспрерывно кровь человеческая. «И вот следствие, – говорил Луцкий, – этих философических теорий, этой красноречивой болтовни новейших софистов, которые так явно подтвердили своим примером, что мудрость человеческая есть безумие перед господом». «Бумага все терпит» – есть русская пословица. Пишите что хотите, и будьте уверены, что нет такой безумной мысли, такой нелепой выдумки, которая не нашла бы покровителей и защитников, умеете только льстить страстям легковерной толпы, и она тотчас поверит, что вы действуете в ее пользу. Вот, например, кто более французских писателей XVIII столетия толковал о том, чтоб улучшить положение человека, и что было последствием их беспрерывных выходок против духовной и гражданской власти, неравенства состояний и наследственных прав? Всеобщее волнение умов, безверие, междоусобная война и смесь буйного безначалия с кровавым деспотизмом диктаторов, из которых каждый годился бы в наставники Нерону. Кто более французских философов писал об этом равенстве состояний, о котором они и до сих пор еще хлопчут, и к чему ведут все их теории? Думая посредством одной земной мудрости достигнуть до этой утопии, они отстраняют религию. Безумцы! Да разве они не видят, что без веры в Спасителя это невозможно, что одна только она может умирять наши страсти и делать нас способными ко всем пожертвованиям. Какой закон заставит скупого расстаться добровольно с его богатством? И тот же самый скупец, когда перст божий коснется души его, рассыплет свое зо-

лото, раздаст его с радостью бедным и пойдет вослед Христу, поправ ногами своего земного идола. Всеобщий мир, братство народов, истребление нищеты – да! все эти мечты могут осуществиться только тогда, когда наступит на земле царство божие, когда будет «Единый пастырь и единое стадо». Итак, господа преобразователи, сделайте прежде христианами, проповедуйте не возмутительные правила, не позорный бунт, не восстание против законных властей, поставленных самим господом, не насильственные меры, которые влекут за собою одни бедствия – нет! старайтесь разливать основанное на истинной вере просвещение, проповедуйте слово божие, и если не вы, так потомки ваши достигнут до этой высокой цели, до этого всемирного просвещения, которое тогда будет не бедствием, а величайшим благом для всех людей»¹¹.

Михаил Загоскин – Степану Бурачку, 1840 год, 28 июня:
«...философия для плохого христианина наука сбивчивая, шаткая и решительно неудовлетворительная, потому что душа его чувствует, что он ищет истину не там, где должен искать ее, и что божественная истина недоступна для земного нашего разума, а постигается только одной верой. Для истинного христианина философия (не прогневайтесь!) – одно пустословие, потому что все важнейшие ее вопросы для него давно уже решены. Неистинный тот христианин, который станет искать доказательств бессмертия души в Платоновском «Федоне»; неистинный тот христианин, который станет благоговеть перед наукою, в которой делаются следующие вопросы (извините): «Не самобытен ли видимый мир? конечен ли он, или у него не было начала и не будет конца?» Не правда ли, что эти вопросы и решения

их должны показаться христианину не только пустословием, но даже богохульством? Осмелиться ли он поверять своим ничтожным земным умом истины, изреченные самим богом? да и что прибыли ему изучать философии для того, чтоб узнать, что он должен верить тому, чему давно уже, без всяких доказательств, верит»¹².

Крепостное право было главной проблемой России первой половины XIX века. Но Михаила Загоскина (помещика Московской, Владимирской и Тамбовской губерний)¹³ оно не возмущало. Загоскин считал нормальным, как и большинство дворян, такое владение людьми. Следовало только по-христиански заботиться о крестьянах. И в ответ помещик получал такое же, христианское, отношение. «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:2).

В загоскинских романах слуги главных героев – всегда их добрые товарищи. Кирша – Юрия Милославского. Ферапонт – Дмитрия Левшина («Брынский лес»), Прохор – Мирошева. В последнем романе, названном по имени главного героя – «Кузьма Петрович Мирошев» (1842) – Загоскин представил идеальную модель взаимоотношений барина и крестьян: семьи Мирошева и ее крепостных. И здесь же он показал, как просвещенный христианин способен изменять мир вокруг себя. Аксаков, называя этот роман Загоскина «лучшим произведением» писателя, сказал: «он (Мирошев. – Д. М.) ничего не сделал необыкновенного; но читатель убежден, что если потребует долг, Кузьма Петрович поступит с полным самоотвержением, и что нет такого геройского подвига, которого бы он не совершил не задумавшись; одни словом: это русский человек-христиа-

нин, который делает великие дела, не удивляясь себе, а думая, что так следует поступать, что так поступит всякий, что иначе и поступить нельзя...»¹⁴.

Приоритет личности над взглядами у Загоскина был всегда. Он оценивал человека по делам и никогда по убеждениям. Вторые просто прилагались как бонус к первым.

Здесь следует отметить, что Михаил Николаевич был вспыльчивым, но отходчивым человеком. И никогда не держал обиду. Это всегда удивляло и восхищало современников.

Журналист Николай Полевой был одним из немногих, кто конфликтовал с Михаилом Загоскиным. Но даже он, как вспоминал его младший брат Ксенофонт Полевой, «уважал в нем человека и честного писателя»¹⁵. Несмотря на все разногласия.

Михаил Загоскин – Михаилу Лобанову, 1832 год, 13 декабря: «...самый злейший мой враг Полевой – потому что я не пускаю его даром в театр и презираю как подлейшего из людей – поверишь, мой друг, что этот крикун-либерал добился посредством своих покровителей права ругать всех, кого захочет, – и в то же время запрещения для всех отвечать на его ругательства; ты не веришь этой невероятной литературной монополии, однако же это истинная правда. Я писал уже о сем официально к министру просвещения – ответа еще нет. Полевой ругает меня и дирекцию, а защищать и меня и ее цензура не позволяет – и не подумай, что не позволяет потому, что антикритика дерзка или обидна – нет! Потому что позволено ничего писать против Полевого, ибо так угодно С. С. Уварову. Если министр просвещения не защитит меня против этого московского

демагога, который ненавидит меня за то, что я предан правительству и люблю мое отечество, то я буду просить защиты у самого государя»¹⁶.

Михаил Загоскин не принимал христианства с мечом. В «Искусителе» он вложил эти мысли в слова Закамского: «Да разве тот христианин, кто, называя себя христианином, поступает хуже всякого язычника? Разве тот христианин, кто проповедует слово божие с мечом в руках? Разве тот христианин, кто, под предлогом веры, старается удовлетворить своему корыстолюбию, насытить свою месть, ожесточить сердца своих заблудших братьев и, как голодный тигр, упиться их кровью? Нет, мой друг, не перенимай у своего барона – не хитри! Ты понимаешь, что я говорю не об этих христианах»¹⁷.

Роман «Аскольдова могила» Загоскин считал своим самым религиозным романом: «Я полагаю, что религиозность в романе состоит в том, чтоб при всяком удобном случае напоминать читателю, что земная жизнь есть не цель, а только средство к достижению цели; что без христианской религии нет истинного просвещения, что мудрования западных философов есть только «медь звящя и кимвал звяцай» и что, наконец, одна только вера во Христа дает человеку возможность быть истинно добродетельным: все это – видит бог – может быть, очень дурно, – но я стараюсь выполнять во всех моих сочинениях. Правда, с некоторого времени я поослабел, потому что устал воевать один против наших скептиков, европейцев, либералов, ненавистников России, апологистов всех неистовых страстей и поэтов сладострастья, то есть защитников земной жизни и всех ее плотских наслаждений»¹⁸.

В слова отца Алексея Михаил Загоскин вкладывает свое понимание Христа: «Когда он возмужал, то явился посреди народа и стал учить его, но учение его не походило на мудрость человеческую: не хитрым красноречием он увлекал сердца народные, – нет! Его слова были понятны для всех; он говорил просто, и слушая его, добрые становились добрее, а злые и надменные смущались, ибо он видел глубину коварных сердец их. Он шел – и как плодотворная река, вступая из берегов своих, оживляет иссохшие от зноя поля, – так разливались свет и добро на пути его. <...> Образец всех добродетелей, не причастный ни единому из грехов земных, он открывал свои объятия кающемуся грешнику, согревал на груди своей злополучного и благословлял слезы страждущих. Он был мудрейшим из людей <...> Он шел на сию вольную смерть как кроткий агнец, как посредник между неба и земли, как очистительная жертва за беззакония человеков. Пригвожденный ко кресту, умирая смертью преступника, он не проклинал, а благословлял убийц своих, и последними его словами были слова милосердия»¹⁹.

Переписка Михаила Николаевича с родным братом Алексеем Николаевичем, генерал-майором департамента путей сообщения, опубликованная, благодаря Сергею Загоскину, в 1860 году в журнале «Домашняя беседа» приоткрывает нам еще одну грань характера писателя – его милосердие. Переписка носит богословский характер и один из обсуждаемых вопросов – слова Михаила Николаевича о загробной участи человеческой души. Они звучат так (в изложении Алексея Загоскина): «В бытность свою в Петербурге, ты имел разговор с А. о предметах религии, и я

заметил из твоих речей, что ты не признаешь вечных мучений и что, по твоему мнению, душа не очищенного от грехов человека переходит не в вечность, а уничтожается. Действительно, трудно согласить благодать Божию с вечным мучением»²⁰. В споре братьев – Алексей не согласен с Михаилом – последний подтверждает сказанное, но замечает «Видишь ли, мой друг, что в делах религии наш земной рассудок – плохой путеводитель, и если ты веришь, что человек может только или навсегда спастись, что первое возможно только для христианина, и что между этих двух состояний для души, по разделению ее с телом, нет середины, то не говори по крайней мере, что это можно постигнуть рассудком. Пути Господа – неисповедимы; а как и чем он спасает души грешников, или тех, которые не зная Христа, не могут спастись сами собою; – это уже не наше дело»²¹.

Консерватизм Загоскина был постоянен. Он не рождался путем размышлений, как у Карамзина, бывшего в юности либералом. Не возникал по политическим расчетам, как у Блудова и Дашкова – либералов при Александре I и столпов консерватизма при Николае.

Консерватизм Михаила Загоскина – с рождения, от убеждений отца и матери, от среды, в которой он рос. Взгляды Загоскина не менялись – менялась эпоха. И в этом постоянстве – обаяние писателя. Он всегда был в гармонии с собой. Со своим внутренним миром.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: издание М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 154.

² Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 252.

³ Там же. С. 254.

- ⁴ Из записной книжки графа П.Х. Граббе // Русский архив. 1888. № 7. С. 171.
- ⁵ Бочарова А.К. М.Н. Загоскин – публицист // Венок Михаилу Загоскину. Пенза, 1990. С. 32.
- ⁶ Загоскин М.Н. Избранное. С. 256.
- ⁷ Загоскин М.Н. Собрание сочинений. СПб. – М.: товарищество М.О. Вольфа, 1901. Т. 12. С. 293.
- ⁸ Там же. С. 309.
- ⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Артель писателей «Круг», 1928. Т. 2. С. 320.
- ¹⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 337.
- ¹¹ Загоскин Н.М. Собрание сочинений. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1901. Т. 9. С. 265-267.
- ¹² Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 738.
- ¹³ Формулярный список М.Н. Загоскина. См.: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина – <https://www.prlib.ru/item/465354> (дата обращения 07.02.2019).
- ¹⁴ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 386.
- ¹⁵ Записки К.А. Полевого // Исторический вестник. 1887. № 6. С. 558.
- ¹⁶ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 730-731.
- ¹⁷ Загоскин М.Н. Собрание сочинений. Т.9. С. 265.
- ¹⁸ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 737.
- ¹⁹ Загоскин М.Н. Аскольдова могила. М.: Кронос, 1994. С. 79-81.
- ²⁰ Домашняя беседа для народного чтения. 1860. Вып. 20. С. 278.
- ²¹ Домашняя беседа для народного чтения. 1860. Вып. 21. С. 290.

В кругу семьи

Михаил Николаевич был первым ребенком в многодетной семье Загоскиных. У него было шесть братьев и две сестры¹. Известность из них получили двое: Маркел, уездный предводитель пензенского дворянства, и Варвара, вторая супруга пензенского губернатора Александра Панчулидзева.

По линии матери Натальи Михайловны Мартыновой Михаил доводился двоюродным братом Николаю Мартынову, застрелившему на дуэли Михаила Лермонтова. С самим поэтом Загоскин виделся как минимум один раз: 9 мая 1840 года у Гоголя, где Лермонтов читал «Мцыри»².

С отцом Мартынова Соломоном Михайловичем Загоскин был дружен, как и с другим своим дядей, его братом Саввой Михайловичем³. Об отношениях Загоскина и Мартынова ничего не известно. Тройродным братом Михаила был Лаврентий Алексеевич Загоскин, известный путешественник, исследователь Аляски. О личном знакомстве братьев свидетельств не сохранилось⁴.

У Михаила и Лаврентия был общий прадед Лаврентий Загоскин. В Пензенской губернии были владения его сыновей Николая (дед Лаврентия) и Михаила (дед писателя). За «Михайловичами» числился Рамзай, где и родился Загоскин. До 1834 года писатель был помещиком села. Затем он отдал свою долю брату Маркелу. В формулярном списке (1835) Загоскин указал, что: «имение имел родовое Пензенской губернии в селе Рамзай или Рамзайке, Тужи-

ловка или Загоскино тож, 70 душ. Ныне состоит за мною благоприобретенного Московской губернии Серпуховского уезда в селе Сенино 110 душ и полученных в приданное за женою Владимирской губернии Шуйского уезда в селе Кохма с деревнями 570 душ»⁵. «Николаевичам» принадлежали соседние к Рамзаю Николаевка и Васильевка.

Писатель получил домашнее образование. Сергей Загоскин пенял деду, что его отец не имел «никакого научного образования», так как дед подходил к обучению так, как сам обучался⁶. Но здесь он не справедлив. Живший в соседней Симбирской губернии Михаил Дмитриев (младше Загоскина на семь лет) так писал об обучении тех лет в провинции: «О деревенской жизни, в старину, в захолустье нельзя судить по-нынешнему. Для нас она была бы тошнее нынешней: но они привыкли: это была их натура. Учились читать и писать; ученье ограничивались этим. Но и то еще одни люди богатые и избранные. Бедные дворяне ничему не учились; привыкали только к хозяйству»⁷.

Загоскины были семьей с достатком и не чужды культуре. У них была своя большая библиотека. В имении Загоскиных неоднократно проводил время приехавший в Пензу вице-губернатор князь Иван Долгоруков.

Матери Загоскина, приятельнице своей супруги, он посвятил стихи «Воспоминание о Рамзае». В них он размышлял о жизни⁸. «Не числи Загоскину наряду с прочими легковверными женщинами, – писал Долгоруков, – нет, она была благоразумна и любила добродетель, даже слишком сурово ее показывала, мои частые посещения ее страшили, оскорбляли, она не была ими довольна, но по связи моей с мужем ее принуждена была их переносить, хотя ча-

сто, по вспыльчивому своему свойству, говорила со мной об них слишком откровенно и не обольщалась моими приветствиями. Могу поручиться, что я входил в дом их, как в святилище, с уважением, необходимо от нас требуемым непорочности и добросердечию. Я знал хорошо их семью, они любили честь, боялись Бога и с ближними были без коварства»⁹. Богомольным был и писатель, он любил ходить в церковь, пишет Аксаков¹⁰.

С ранних лет Загоскин полюбил читать. Книги он брал из библиотеки отца. Он читал бессистемно – «все, что ни попадалось ему в руки»¹¹. К сожалению, библиотека Николая Михайловича до нас не дошла. Но сохранились книги из библиотеки двоюродного деда – Николая Лаврентьевича. Они хранятся в Пензенской областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова. Библиотека была сформирована в 60–70-е годы XVIII века, в период юности отца писателя, и дает представление о читательском выборе провинциального дворянина. Это «Древняя история» Шарля Роллена и «История Российская» Михаила Щербатова. На каждой из них сохранились владельческие надписи Николая Загоскина.

О возможном составе книг библиотеки Николая Михайловича Загоскина можно судить по воспоминаниям Дмитриева: «Выбор был недурен и довольно основателен. Например, в каждой деревенской библиотеке непременно уже находились: Телемак, Жилбаз, Дон-Кишот, Робинзон-Круз, Древняя Вивлиофика Новикова; Деяния Петра Великого и с дополнениями, История о странствиях вообще Лагарпа, всемирный Путешественник Аббата дела-Порта, и Маркиз Г., перевод Ив. Перф. Елагина, роман

умный и нравственный, но ныне осмеянный, Ломоносов, Сумароков, Херасков непременно были у тех которые любили стихотворство»¹².

Загоскин-младший читал книги запоем. По словам Аксакова, он «любил читать, лежа на диване и лакомясь изюмом и коринкой; один из меньших братьев часто влезал к нему на диван, начинал его трогать, щипать и просил ягод; Загоскин отдавал часть лакомства с просьбой не мешать ему; через несколько минут маленький шалун опять являлся с прежними докуками; Загоскин отдавал весь изюм и коринку с условием: не входить к нему в комнату и не мешать его чтению; но через несколько времени, истребив весь запас лакомства, брат снова отворял дверь – и тогда Загоскин, всплыв, вскакивал с дивана, бросал книгу и принимался таскать за волосы неотвязчивого ребенка»¹³.

Библиотека отца манила Михаила, и до поры до времени он пробирался в отцовский кабинет тайно. Но его трюк был раскрыт. Однако Николай Михайлович не наказал сына – он позволил ему брать книги из своей библиотеки (родители опасались, что из-за чтения большого количества книг Михаил станет близоруким, впрочем, так и случилось). Писатель преимущественно читал книги по истории. Позднее Михаил Николаевич, видя тягу младшего сына Сергея к книгам, позволит ему, как и отец, брать книги из своей библиотеки. Сергей Михайлович отмечает, что до четырнадцатилетнего возраста «разрешалось лишь чтение «Московских ведомостей» и детских книг в роде «Дедушкиных сказок», «Contes de Verquin»* и проч., а тут

* Популярная детская книга французских рассказов и сказок.

я получил приказание читать произведения русских пер-воклассных писателей. Первые книги, данные мне отцом для прочтения, были сочинения Крылова, Пушкина и Го-голя, а затем уже его собственные»¹⁴.

Книги стали для Загоскина проводником в мир знаний. В 1902 году, когда вспоминали в Рамзае Михаила Николаевича – в год пятидесятилетия со дня его кончины – этот факт из биографии писателя был использован учителями в дидактических целях. «Особенное внимание было обра-щено на то, что Загоскин не обучался ни в каком учебном заведении и у домашних учителей научился не многому, сделался же образованным человеком и знаменитым писа-телем посредством самообразования: читал много серьез-ных книг, много думал о том, что в этих книгах пишется и о том, как бы сделаться полезным для отечества челове-ком»¹⁵.

Михаил Николаевич женился в двадцать шесть лет. Выбор супруги сделал по любви, а не расчету, в чем по-шел против воли отца. Свою лепту в брак внесла и Анна Дмитриевна Васильцовская, незаконнорожденная дочь от-ставного бригадира Дмитрия Новосильцева. Она уговари-ла отца согласиться на свадьбу, хотя тот был против. Заго-скин не подходил ему своим положением в обществе: да, несомненно, столбовой дворянин, но всего лишь коллеж-ский секретарь Департамент горных и соляных дел и еще сочинитель – автор пьес.

Новосильцев считал Загоскина человеком «без ума и таланта» и «каких-либо душевных качеств»¹⁶. Неприязнь тестя, пишет сын Загоскина, сильно влияла на атмосферу в семье.

Свадьба была сыграна в Петербурге в мае 1816 года.

До 1820 года Загоскины жили у родителей писателя, но после отъезда из Петербурга в Москву Новосильцева вынуждены были отправиться вслед за ним. Отец настаивал, чтобы дочь жила с ним. Семья Загоскиных обосновалась в доме тестя на Старой Конюшенной, где и жила десять лет. Это был аристократический квартал Москвы.

К этому времени у четы Загоскиных родились два сына: Дмитрий (1818) и Николай (1819). Новосильцев не был крестным ни того, ни другого. Восприемником сыновей Загоскина стал брат Анны Дмитриевны Александр Васильцовский, а восприемницей супруга дяди писателя Саввы Мартынова – Марья Степановна. Оба сына родились в Петербурге¹⁷.

Сергей Загоскин: «...отец с своим семейством проживал в Старой Конюшенной в доме Новосильцева, часто испытывая на себе странные придирки и выходки хозяина дома, настоящего деспота старого закала, вызывавшие немало обоюдных бурных вспышек, и вследствие которых жизнь моих родителей в его доме становилась все более и более невыносимее, и мысль отделиться от Новосильцева не покидала отца ни на минуту»¹⁸.

Судя по сохранившемуся в архиве «Делу о назначении М. Н. Загоскина помощником библиотекаря, о повышении его в должности, о предоставлении ему отпуска, об увольнении его и замещении его Крыловым»¹⁹, с которым можно познакомиться на сайте Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, Загоскин не думал о постоянном месте жительства в Москве. Его заявления говорят, что он предполагал возвращение в столицу. Но бытовые обстоя-

тельства оказались сильнее. И Загоскин сделался москвичом.

Впрочем, он не оставлял надежд. И весной 1825 года писал в Петербург своему другу Михаилу Лобанову, уже работая в дирекции московских театров: «Слухи о моем переводе в Петербург не совсем пустые. Может быть, действительно я буду директором, и самым неожиданным для меня образом, я и во сне не мог об этом видеть; но, впрочем, до тех пор пока я не прочту именного указа, я сам этому плохо верю. Ты пишешь, мой друг, что в Петербурге при театре худо – поверь, что и в Москве не лучше. В Петербурге связаны руки, а здесь и руки, и ноги; в Петербурге я (может быть) буду главным начальником, хотя под ведением Комитета, а здесь я только член; в Москве я получаю только 2400 руб. жалованья, а в Петербурге 10000 руб., а сверх того, могу шагнуть по службе так, что приятели мои ахнут от удивления, а враги сдохнут от зависти. Впрочем, все это воздушные замки»²⁰.

В 1824 году (или около этого) Аннет, как звал супругу Михаил Николаевич, заболела. О характере ее заболевания Загоскин в 1830 году написал Лобанову: «Что делать, любезный друг, жена моя (которая кланяется тебе и твоей супруге) шестой год больна и не может проехать двух верст в карете; следовательно, я не могу и думать переменить мое местопребывания»²¹.

Загоскину лечили лучшие московские врачи, но помочь ей не могли. Судя по воспоминаниям сына, у нее было предраковое состояние. Врачи посоветовали ей забеременеть. Так появился на свет младший сын Загоскиных – Сергей²², автор мемуаров. Прежняя болезнь отступила,

но возникла новая. Она мучила Анну Дмитриевну до конца жизни. Аннет никуда не выезжала из дома. Прогулки ее ограничивались собственным садом – к этому времени, после «Юрия Милославского», смягчившего Новосильцева, Загоскины жили отдельным домом.

Драшусова пишет, что супруга Загоскина крепко привязывала писателя к дому: «Он всю жизнь провел с больною, неприятною женой, которая не отпускала его от себя как ни сильно было в нем желание увидеть другие страны, поездить по России, побывать в Киеве, в Крыму, что было бы весьма полезно для его дарования, преимущественно-го наблюдательного. Покорность жене происходила не из сильной любви к ней, а от слабости характера»²³.

Конечно, чужая семья – потёмки. Сергей Загоскин, как хороший сын, не пишет о родителях плохо – в его воспоминаниях семья идеальна. Но, думается, что Михаил Николаевич все-таки любил жену, и отказ от поездок (Загоскин на самом деле не выезжал из Москвы, когда болезнь супруги обострилась) – есть жертва на алтарь любви. Он был с женой и в радости, и в горе. Это по-христиански.

Дети Загоскиных получили домашнее образование. Между двумя старшими братьями и младшим существовала большая разница в возрасте – почти пятнадцать лет, поэтому младший Сергей с ними мало общался. Образование детей вела мать. Загоскин в него не вмешивался. Он был занят службой и творчеством.

В молодости Дмитрий, старший сын, отличался буйным нравом. Кутил, делал долги, за которые приходилось расплачиваться родителям. Остепенился только женившись.

Средний Николай выпивал. Он имел «тихий и кроткий характер», но загубил свои способности алкоголем²⁴.

Сергей Загоскин: «Оба брата были красавцами, особенно второй, славившийся свою молодость не только лицом, но и чрезвычайно изящными манерами. Он был большим щеголем, одевался всегда по последней моде и первый надел в Москве появившееся тогда сак-пальто. Помню, как батюшка, увидав его в этом балахоне, пришел в ужас и стал убеждать его не носить подобный мешок, находя его крайне неприличным одеянием. Братья не были дружны между собою и в течение всей жизни ни в чем не никогда не сходились. Они сошлись только в одном: поступив вместе в Московский университет, они вместе же с первого курса покинули его; старший вследствие какой-то дерзости, сделанной им профессору богословия Терновскому, а младший – просто потому, что не хотел учиться. Как отнеслись мои родители к подобному их поступку, мне неизвестно, но думаю, что отец с свойственным ему добродушием и любовью к своим детям сильно вспылал, пожурил их, и тем дело кончилось. По выходе из университета, братья служили в разных ведомствах или, вернее сказать, только числились, ничего не делали и, ровно ничего не заслужив, рано вышли в отставку»²⁵.

Сергей Загоскин по складу характера был похож на отца. Сдав положенные экзамены, необходимые после домашнего образования, служил чиновником в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, в канцелярии губернатора Москвы, а затем статс-секретарем при бароне М. А. Корфе, когда тот писал биографию Николая I.

Как отец был камергером императорского двора. Имел чин тайного советника.

Михаил Николаевич, достигнув возраста пятидесяти лет, вставал в восемь часов утра. (Ранний этап оказался вне мемуаров сына писателя.) Он обязательно принимал холодный душ и совершал молитвы в домашней часовне.

Около десяти часов утра пил чай – две чашки и, приготовив себе нюхательный табак, шел в кабинет, где работал до двух часов дня.

С двух до четырех часов дня у Загоскина были визиты в разные дома и учреждения, а в шестнадцать часов – обед. Сын пишет, что писатель обедал всегда один, так как семья ела раньше. Обедал Михаил Николаевич в своем кабинете, в домашнем халате, и любил во время обеда читать газеты и журналы.

Сергей Михайлович описывает и загоскинский чай, который отец готовил себе утром: «Он клал в небольшой металлический чайник огромное количество дешёвого, черного чая и кипятил его до тех пор, пока чай начинал сам выливаться из чайника в чашку. Этот напиток, имевший запах пареного сена, так нравился отцу, что в гостях он не мог пить другого чая, находя его безвкусным»²⁶.

Блюда на обед подавались Загоскину жирные и тяжелые. Михаил Николаевич совершенно не пил иностранного вина и водки. Однако свое, российское, вино употреблял с удовольствием. Особенно он любил крымское дешёвое вино и воду со льдом, считая ее «самым приятным и здоровым напитком»²⁷.

Летом после обеда писатель совершал прогулки по окрестностям Москвы. Зимой – читал, а затем уезжал в ан-

глийский клуб или на бал, вечер, где был до поздней ночи. В течение дня Михаил Николаевич не раз заходил в комнату к супруге, рассказывая ей новости. Последние годы жизни Анна Дмитриевна вообще не выходила из спальни.

Загоскин-младший оставил описание кабинета отца и его домашней часовни, а также бюджета семьи.

Кабинет: «Когда у батюшки бывали литературные вечера, то до приезда гостей я любил сидеть в его большом кабинете, освещенном лампами и множеством свечей, и любоваться ярким его освещением, так как в другие дни кабинет освещался лишь двумя восковыми свечами и темнотою своею наводил на меня великий страх: во мраке, как-то страшно выглядывали с верхушек книжных шкафов большие окрашенные в черную краску бюсты Гомера, Сократа и других мудрецов...»²⁸.

Домашняя часовня: «Молельня его, находившаяся на антресолях нашего дома, походила на маленькую часовню. Все стены были покрыты образами в ризах и в особых кивотах, перед которыми теплились лампы. В одном углу стоял аналой с евангелием и крестом и столик с молитвенными книгами»²⁹.

Бюджет: «Из получаемых с имений доходов и из своего жалованья батюшка не тратил на себя ни одной копейки, а ограничивался, для своих личных расходов, зарабатываемыми им деньгами, из которых некоторое часть шла на заказы разных шкатулок, баулов, погребцов и, особенно, лукутинских табакерок; до последних он был страстный охотник и имел значительную их коллекцию. <...> Значительная же часть его собственных доходов шла на помощь бедным: каждую субботу двор нашего дома наполнял-

ся нищими, которым камердинер отца раздавал медные деньги, по пятаку каждому, а перед большими праздниками отец сам, лично, раздавал милостыню всем нищим и убогим, попадавшимся ему на улицах или во множестве всегда стоявших у папертей кремлевских соборов и приходских церквей»³⁰.

Лукутинские табакерки – это табакерки, изготовленные на подмосковной фабрике купца Петра Лукутина, в Федоскино. Там был развит традиционный народный промысел: лаковая миниатюрная живопись масляными красками на папье-маше. Особенно ценились ларцы и шкатулки, украшенные копиями работ известных художников. Михаил Загоскин, выходит, коллекционировал федоскинскую миниатюру.

Сергей Михайлович сообщает и другие мелкие, но интересные привычки писателя. Он не любил начинать какое-либо дело в пятницу, не зажигал трех свечей, избегал стола, за которым сидело тринадцать человек, не носил платья из черного сукна. Предпочитал фрак, сюртук и шубу тёмно-зеленого, синего или вишневого цвета³¹. Держал свои бумаги в большом порядке, но рукописи уничтожал после печати произведения³².

Писатель умер из-за врачебной ошибки. Он доверил свое лечение молодому доктору, с небольшой практикой. Ему его посоветовала знакомая дьяконица, приживалка.

Лечение обострило болезнь, и когда Аннет, видя ухудшение, пригласила прежнего доктора, было поздно. Болезнь взяла верх³³. Сын очень трогательно описал последние минуты жизни отца, его прощание с супругой и кончину.

Сергей Загоскин: «Послав за своим духовником, священником нашей приходской церкви, батюшка приобщился Св. Тайн, почувствовал себя бодрее и пожелал, для успокоения матушки, видеть ее; он сел в кресло, на котором два человека отнесли его к ней. Это было последнее земное свидание моих родителей... пробыв у нее несколько минут, отец почувствовал усталость и приказал отнести себя обратно в кабинет. В то время как его уносили, он обернулся, послал матушке рукой поцелуй и нежно взглянул на нее своими добрыми, чудными глазами... мать моя, заметив этот взгляд, заплакала...»³⁴.

На следующий день, 23 июня (старый стиль), Михаил Николаевич Загоскин скончался. Был 1852 год, понедельник. День святой Агриппины.

Через девять месяцев, 26 марта, ушла вслед за мужем и Анна Дмитриевна. Незадолго до смерти, писал Загоскин-младший, ей было видение: в дверях дома показался Михаил Николаевич и поманил ее рукой. «Несмотря на все мои уверения, – вспоминал сын, – что все это ей только показалось, он стояла на своем, повторяя: “да, я видела его, он звал меня, но не думай, что я испугалась или скоро умру, – совсем нет; я очень счастлива, что видела его, это было, как будто, настоящее с ним свидание”»³⁵.

Супруги Загоскины похоронены возле Смоленского собора Новодевичьего монастыря. В одной могиле с ними – их сын Дмитрий.

Недалеко – могилы Александра Шаховского и Ивана Лажечникова, драматурга и писателя. Первый – открыл литературе имя Загоскина. Второй – продолжил начатое им, опубликовав в 1832 году роман «Последний Новик».

Род Загоскиных, прямых потомков Михаила Николаевича и Анны Дмитриевны, продолжился в детях их сына Николая Михайловича Загоскина.

¹ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. LXXIX. С. 45.

² Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М: Русская панорама, 2003. С. 275.

³ Загоскин М.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 702, 711.

⁴ Рассказова Л.В. Пензенские родственники Л.А. Загоскина // Русский путешественник и общественный деятель Лаврентий Загоскин. Рязань, 2008. С. 23.

⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 1037. Л. 107. Л. 245об-246.

⁶ Загоскин С.М. Воспоминания. С. 46.

⁷ Дмитриев М.А. Московские элегии. М.: Московский рабочий, 1985. С. 150.

⁸ Норцов А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов, 1904. 48-49.

⁹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 359.

¹⁰ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Загоскин М.Н. Избранное. М.: Правда, 1988. С. 356.

¹¹ Там же.

¹² Дмитриев М.А. Московские элегии. С. 173.

¹³ Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. С. 356-357.

¹⁴ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 2. С. 490.

¹⁵ Пензенские губернские ведомости. 1902. 3 июля. С. 2.

¹⁶ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. №1. С. 50.

¹⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1037. Л. 108, 109.

¹⁸ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 52-53.

¹⁹ См.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина – <https://www.prlib.ru/item/1070438> (дата обращения 04.02.2019).

²⁰ Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. С. 717-718.

- ²¹ Там же. С. 720.
- ²² Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 56.
- ²³ Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. сентябрь. С. 128-129.
- ²⁴ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 2. С. 491.
- ²⁵ Там же. С. 491-492.
- ²⁶ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 74.
- ²⁷ Там же. С. 74-75.
- ²⁸ Там же. С. 76.
- ²⁹ Там же. С. 74.
- ³⁰ Там же. С. 75.
- ³¹ Там же. С. 76-77.
- ³² Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 3. С. 942-943.
- ³³ Там же. С. 935-937.
- ³⁴ Там же. С. 936.
- ³⁵ Там же. С. 945.

Память

Писатель жив, пока о нём помнят и читают. При жизни сочинения Загоскина выходили практически каждый год¹. Он был известен как драматург и писатель, автор исторических романов. Произведения писателя имели поддержку власти, они укладывались в теорию официальной народности – идеологию Российской империи, рожденную при Николае I.

Роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» при жизни Загоскина выдержал девять изданий².

После смерти Михаила Николаевича его вдова получила от императора пенсию в тысячу рублей серебром³.

Проводить писателя в последний путь пришла «масса народа». «После отпевания, – вспоминал Сергей Загоскин, – громадная толпа запрудила всю улицу, и народ, вместе со мною и братьями, понес на руках гроб с останками отца в Ново-Девичий монастырь»⁴.

Проститься с Михаилом Загоскиным пришел философ Петр Чаадаев. Подойдя к Сергею Загоскину, он сказал, что «никогда не бывал у отца и не был с ним в близких отношениях, но считал долгом поклониться праху человека, которого глубоко уважал»⁵.

Слова поддержки звучали из уст других известных москвичей, а в 1853 году уже вышла и первая биография Михаила Загоскина. Ее автором был друг писателя Сергей Тимофеевич Аксаков.

Все последующие биографии Загоскина отталкивались от нее и от воспоминаний Сергея Загоскина, сына писателя, опубликованных спустя полвека.

Время всегда берет свое: рождает новые поколения читателей, у которых возникают новые литературные пристрастия. Удержаться на высоком литературном Олимпе удастся только гениям. К их числу Михаил Николаевич Загоскин, конечно, не относился. И со сменой эпохи его имя ждал удел забвения. Он пришелся на царствование Александра II. С 1861 по 1881 годы электронный каталог Российской государственной библиотеки (РГБ) не фиксирует изданных сочинений писателя.

Они вновь появляются в эпоху Александра III, с его подчеркнутой любовью ко всему русскому. И первое из них – «Юрий Милославский». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона констатировал (1890): «По количеству написанного Загоскин – один из плодовитейших писателей наших; по силе таланта он принадлежит к числу второстепенных и в наше время почти совсем забытых авторов. Только «Юрий Милославский» находит себе еще читателей среди юношества или грамотных простолюдинов»⁶.

Отчеты общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова в Пензе подтверждают слабый интерес читателей к сочинениям Загоскина.

На рубеже XIX–XX веков в «Лермонтовке» было от 17 до 33 книг Загоскина. В 1898 году их взяли 52 раза, в 1900 – 49, в 1902 – 84, в 1903 – 45, в 1905 – 36, в 1910 – 50⁷. Лидером был Лев Толстой. Выдача его сочинений не опускалась ниже отметки 500. Толстой владел умами читате-

лей, в то время как Пушкин, Лермонтов, Крылов, Грибоедов входили во вторую–третью десятку, а то и ниже. Среди таких писателей был и Загоскин.

Интерес к творчеству Михаила Николаевича (84 выдачи книг Загоскина в 1902 году) был связан с полувековым юбилеем со дня его кончины. В этот год в России (по данным каталога РГБ) вышло 33 книги Загоскина. Абсолютный максимум за пятьдесят лет после смерти писателя. Накануне памятной даты появилось и самое полное собрание сочинений Загоскина в двенадцати томах (1901).

Дату кончины писателя вспомнили по всей России. Популярный журнал «Нива» напечатал биографический очерк Загоскина, в котором пересказал аксаковскую биографию писателя, поместил фотографию его могилы. «Талант Загоскина – вполне самобытный, оригинальный и исключительно русский талант, – писал журнал. – Сам он, вообще, был убежденным и последовательным националистом и всюду старался проводить русское направление, восставая против подражания иностранному»⁸.

Вспомнили Загоскина и на пензенской земле – в Пензе и в Рамзае. (В 1895 году Загоскин был указан как земляк в учебнике по истории Пензенской губернии, составленном Ильей Кузьминым⁹.)

«Чествования памяти» М. Н. Загоскина прошли в Пензенской губернии по инициативе директора народных училищ Д. С. Георгиевского и инспектора училищ П. Ф. Орелкина¹⁰, члена Правления общественной Лермонтовской библиотеки.

Родственники писателя вспоминали Загоскина в Рамзае, где жили потомки Маркела Николаевича, брата писа-

теля. Любовь Протасьева, внучатая племянница Загоскина-писателя, родившаяся в год его кончины, сказала речь.

Любовь Сергеевна Протасьева, 1902 год, 23 июня: «Мы сейчас выслушали биографию Михаила Николаевича Загоскина, слышали оценку его литературного таланта и отрывки из его произведений. Мне же, как родственнице автора и от имени его родственников, хотелось бы сказать несколько слов об Михаиле Николаевиче как человеке, не касаясь его литературных трудов, значение и достоинство которых получили уже оценку потомства. «...» Отличительные черты Михаила Николаевича: простота, прямота и свежесть чувств, неподдельное увлечение всем хорошим и справедливым, любовь к людям, общительность, отзывчивость до старости, непоколебимое уважение ко всем семейным основам, теплая, живая и сильная любовь к отечеству, безграничная преданность престолу, глубокая религиозность, любовь и вера в Бога. Эти отличительные черты Михаила Николаевича проглядывают в его произведениях, руководят и вдохновляют его талант и творчество». Слова Протасьевой перекликаются с мыслями Сергея Загоскина: «Характер, образ мыслей и самые привычки выдающегося писателя представляют несомненный интерес не только для его биографов, но и для всех читателей, так как мельчайшие подробности о его жизни, известные лишь лицам, бывшим в постоянном с ним прикосновении, могут немало способствовать к определению и оценке его произведений, истекавших прямо из личных убеждений характера и кругозора самого автора»¹¹.

Еще один всплеск интереса к творчеству Загоскина последовал в годы Первой мировой войны, на волне патрио-

тического подъема, а затем наступила длинная полоса забвения. В 1920–1940 годы в Советском Союзе сочинения Загоскина не издавали. Он был классово чуждым писателем.

Большая Советская энциклопедия, 1932 год: «Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), плодовитый романист и комедиограф. Происходил из дворянской семьи. В молодости патриотически настроенный чиновник, Загоскин и в многочисленных своих произведениях, имевших огромный успех в среде столичного и провинциального чиновничества и мещанства, выступает как яркий, но не очень глубокий представитель крепостнически-охранительного направления.<...> Идеализатором старины и дворянского патриархализма Загоскин явился и в самом крупном своем произведении – романе «Юрий Милославский» (1829). Этот первый русский исторический роман, имевший исключительный успех (в первые годы переиздан несколько раз и переведен на многие иностранные языки), с художественной стороны отмечен теми же недостатками, как и все другие менее известные творения этого скромного по таланту писателя. Бледность образов и идейное убожество, даже по сравнению с другими представителями официальной народности – главные недостатки этого романа. <...> Доставившее этому писателю славу знание народного быта не шло далее поверхностного описания костюма и некоторых обычаев»¹².

Большая Советская энциклопедия, 1952 год: «Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), русский писатель. Сын пензенского помещика. <...> Выступил против передового литературного общества «Арзамас». <...> Комедию

«Недовольные» (1835) В. Г. Белинский резко критиковал за грубую тенденциозность в изображении передовой части общества. Шумный успех имел первый историчекий роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Роман отвечал интересу русских читателей к национальному прошлому России. Но А. С. Пушкин и В. Г. Белинский тогда же отметили, что историческая основа в романе очень слаба, а «народность» понята примитивно. <...> Следующие исторические романы Загоскина <...> отличались реакционными тенденциями»¹³.

В год создания Пензенской области Михаил Николаевич Загоскин, как выдающийся земляк, был включен в книгу, что вышла к этой дате. Он был назван известным русским беллетристом, автором исторических романов. «Бытовые комедии и водевили Загоскина, – отмечалось в издании, – особого интереса не представляют»¹⁴.

После войны, в 1946 году, журналист и краевед Александр Храбровицкий посвятил Михаилу Загоскину главу своей книги «Русские писатели в Пензенской области». В ней он отметил, что сохранился дом, где жил писатель, – в нем располагалась больница, и роща, которую любил Загоскин (Храбровицкий не совсем точен: здание больницы – это не дом родителей писателя, а дом, выстроенный на месте дома родителей Варварой Николаевной Панчулидзевой сестрой Загоскина. – Д. М.). Вне классового подхода Храбровицкий осветил творчество Загоскина, сказав, что писатель в романе «Искуситель» показал Рамзай (Тужиловку) и Пензу, центр губернии, где он рос¹⁵.

В 1969 году в Рамзай попал Георг Мясников, один из руководителей области. В своем дневнике он пометил:

«Заехали в усадьбу, где родился М. Н. Загоскин. Запущенный парк, все захлавлено, заброшенно. Если бы встал помещик, порол бы (и правильно, за дело) дней пять кнутом. Никому не нужно. Льют помой на голову местного начальства. В бывшем поместье была больница. Ее перевели, а дом бросили»¹⁶.

В 1954 году за рубежом в русском эмигрантском издательстве «УМСА-press» выходит «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»¹⁷. Выход книги не остается без внимания советских властей. Через год в Советском Союзе уже печатается свой, советский вариант, «Юрия Милославского»¹⁸. Самая известная книга Загоскина вернула писателя на родину.

С этого времени и до перестройки в различных издательствах СССР выходили только две книги Михаила Загоскина: «Юрий Милославский» и «Рославлев». О Смутном времени и Отечественной войне 1812 года. Другие произведения Загоскина не издавались.

В Пензенской области инициатором увековечивания памяти Загоскина был Мясников. По его инициативе в Рамзае в 1978 году появился бюст писателя. И он же, в 1985 году, дал указание о подготовке 200-летнего юбилея писателя в Пензенской области.

Юбилейные торжества состоялись 25 июля 1989 года в Рамзае, когда Георг Васильевич был в Москве, работая первым заместителем председателя Советского фонда культуры. На литературном митинге присутствовал руководитель Пензенской области Б. Ф. Зубков¹⁹.

Корреспондент газеты сообщал: «Никогда еще рамзайская роща, где когда-то располагалась усадьба Загоски-

ных, не видела такого количества людей, цветов, машин. К бюсту Михаила Николаевича Загоскина 25 июля приехали сотни людей со всей области, литературоведы и ученые, гости из Москвы и Харькова, чтобы почтить память писателя, отдать дань уважения земле рамзайской, вскормившей его»²⁰. Последний раз Загоскина так масштабно вспоминали восемьдесят семь лет назад, летом 1902 года.

Надежда Юдина, работавшая санитаркой в местной больнице, заметила пензенскому журналисту: «Я же знаю, что здесь писатель Загоскин жил. Да вот только за всю мою жизнь первый раз такой праздник устроили. Почему это, а?»²¹.

После литературного митинга в Доме культуры Рамзая прошли Загоскинские чтения. Их открыл А. А. Сазонов, ответственный секретарь пензенской писательской организации. С большим докладом выступил Иван Павлович Щеблыкин, доктор филологических наук, профессор Пензенского педагогического института. Свои доклады о Загоскине прочитали Ольга Христюбова (тогда она была ассистентом, а ныне – кандидат филологических наук, доцент Пензенского государственного университета, главный специалист по жизни и творчеству Михаила Загоскина в Пензенской области)²², пензенский краевед, кандидат филологических наук Олег Савин.

Иван Щеблыкин: «И в Рамзае, и в Москве было заметно, что читатели, труженики нашей страны что-то слышали о Загоскине и хотели бы знать о нем больше. Но это зависит теперь не столько от них, сколько от издателей, учителей, литературных критиков, историков литературы. Загоскина придется «воскрешать», если мы всерьез обес-

покоены нравственным состоянием общества. «Забывая» о нем, мы тем самым поощряем тенденциозное, варварское отношение к культурным ценностям своего народа. В особенности страдает молодое поколение: оно лишается возможности шире приобщиться к живым патриотическим чувствам, без которых нет и не может быть ничего путного ни в экономических, ни в общественных сферах»²³.

Ольга Христолюбова: «Михаил Николаевич Загоскин... Это имя в 30–40-е годы прошлого столетия было известно всей образованной России. «Русский Вальтер Скотт», «Гомер русского простонародья», – такими эпитетами наградил Загоскина В. Г. Белинский. Но непросто складывалась литературная судьба автора первого отечественного исторического романа. Сочинения его мало известны не одному поколению читателей. И это нельзя не учитывать сегодня, говоря о Загоскине. <...> В наши дни возрождается интерес к творчеству М. Н. Загоскина. Загоскин дорог нам тем, что он возвращает нам чувство гордости за родную землю, уверенность в том, что традиции, обычаи народные необходимо бережно хранить ради нравственного здоровья последующих поколений»²⁴.

Олег Михайлович Савин, помимо доклада о роде Загоскиных, представил и стихи, экспромтом сочиненные им в Рамзае, о писателе: «...Знал век и лихой и жестокий, // Всю суть его сердцем постиг... // Куда затерялись истоки // Его неисчезнувших книг? // Дубравы, осины, березки, // Чуть воздух июльский горчит...// И имя простое – Загоскин – // Над парком рамзайским звучит»²⁵.

На Загоскинских чтениях царило приподнятое настроение. На календаре был 1989 год – время возвращения в отечественную литературу забытых в годы советской власти имен. Михаил Булгаков, Осип Мандельштам, Евгений Замятин, Михаил Загоскин, Александр Вельтман, Всеволод Соловьев... Страна захлеб читала возвращенных писателей и поэтов.

В 2000 году средней общеобразовательной школе в Рамзае присвоено имя Загоскина, а в 2004 году она включена в областной проект «Именные школы». В школе Рамзая ведется курс литературного краеведения «Уроки Загоскина» (автор – Мясникова Л. В.)²⁶.

Но... *Массовый* интерес к жизни и творчеству Загоскина не возник. Хронологически и культурно XIX столетие оказалось дальше от века XX. Дистанция получилась для нас непреодолимой. Будет ли иначе – покажет время. Книжки Загоскина – доступны. Они есть в библиотеках, в книжных магазинах, в сети Интернет. Необходимо только желание их прочитать. Место в истории Михаил Николаевич Загоскин занял. В скрижалях мировой и отечественной литературы он будет вечно. Но найдет ли Загоскин место в наших сердцах? Писатель жив, пока его читают...

¹ Подсчет выполнен по электронному каталогу Российской государственной библиотеки.

² Полевой П.К. История русской словесности. СПб.: издание А.Ф. Маркса, 1900. Т. 3. С. 375.

³ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 3. С. 945.

⁴ Там же. С. 939.

⁵ Там же.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауз – Ефрон. М.: ТЕРРА-TERRA, 1991. Т. 23. С. 123 (репринт).

⁷ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1897-1898. Пенза, 1899. С. 32; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1899-1900. Пенза, 1901. С. 30; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1901-1902. Пенза, 1903. С. 29; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1902-1903. Пенза, 1904. С. 36; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1904-1905. Пенза, 1906. С. 48; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1909-1910. Пенза, 1911. С. 38.

⁸ Нива. 1902. № 25. С. 497-498.

⁹ Кузьмин И.Ф. Пензенская губерния. Пенза, 1895. С. 85-86.

¹⁰ Пензенские губернские ведомости. 1902. 3 июля. С. 2.

¹¹ Пензенские губернские ведомости. 1902. 4 июля. С. 2.

¹² Большая Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ, 1932. Т. 25. С. 767.

¹³ Большая Советская энциклопедия. М.: Большая Советская энциклопедия, 1952. Т. 16. С. 297.

¹⁴ Пензенская область. Пенза, 1939. С. 242.

¹⁵ Храбровицкий А.В. Русские писатели в Пензенской области. Пенза, 1946. С. 19-20.

¹⁶ Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008. С. 59.

¹⁷ Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Париж: УМСА-press, 1954.

¹⁸ Загоскин М.Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. М.: Гослитиздат, 1956.

¹⁹ Мысяков А. Патриарх московских романистов // Пензенская правда. 1989. 27 июля. С. 4.

²⁰ Комарова О. Посвящено М.Н. Загоскину // Сельская правда (Мокшан). 1989. 29июля. С. 4.

²¹ Мысяков А. Патриарх московских романистов. С. 4.

²² Христоробова О.В. М.Н. Загоскин как исторический романист. Пенза, 1999; Она же. Поэтика романа М.Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев». Ульяновск: УлГПУ, 2005.

²³ Щеблыкин И.П. Нельзя допустить забвения // Венок Михаилу Загоскину. Пенза, 1990. С. 24.

²⁴ Христоробова О.В. М.Н. Загоскин в оценке русских критиков 40-60-х годов // Венок Михаилу Загоскину. С. 64,70.

²⁵ Мысяков А. Патриарх московских романистов. С. 4.

²⁶ См.: Мясникова Л.В. Жизнь и творчество писателя-земляка М.Н. Загоскина. Рамзай, 2000.

МИХАИЛ ЗАГОСКИН:

знакомый незнакомец

автор

Дитрий Мурашов

корректор

Елена Скворцова

компьютерная вёрстка, дизайн

Инна Харчева

Отпечатано с оригинал-макета

© Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, 2019

© Д. Ю. Мурашов, 2019

